

ТОВАРИЩ ЛЕНИН,
ПО ФАБРИКАМ ДЫМНЫМ,
ПО ЗЕМЛЯМ,
ПОКРЫТЫМ
И СНЕГОМ
И ЖНИВЬЕМ,
ВАШИМ, ТОВАРИЩ,
СЕРДЦЕМ
И ИМЕНЕМ
ДУМАЕМ,
ДЫШИМ,
БОРЕМСЯ
И ЖИВЕМ!

В. МАЯКОВСКИЙ

№ 1 ЯНВАРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

Ленин
и
современность

ЛЕНИНОВЕДЫ

Чингиз АЙМАТОВ,
лауреат Ленинской премии

В истории бывает много выдающихся событий и выдающихся людей, которые в то время, когда они действуют, кажутся великими, незабываемыми. Но время безжалостно порой даже к выдающимся личностям. Безжалостно потому, что многое с ходом истории уходит, отсеивается, показывая сквозь призму лет истинную цену людей и событий, и многое становится областью знания специалистов. И очень редко память истории оставляет нам имя, которое знали бы все — все последующие поколения от мала до велика.

Мы знаем такое имя. Это Ленин, столетие которого мы отмечаем в этом году. Трудно измерить его значение и величие, невозможно сопоставить с чем-либо то, как стремительно, прочно, навеки вошел он в наше сознание, в нашу жизнь и дела.

Каждый из нас может вспомнить, как впервые услышал он имя Ленина, и окажется, что это случилось на самых первых порах детства. Быть может, мы узнали его след за словами «мать» и «отец». В том, как проносили это имя старшие, мы ощущали нечто дорогое, близкое и надежное.

И я могу вспомнить, как это было со мной. Помню из детства отдельные картины! Например, как восходит солнце из-за горного хребта. Я и до того видел восходы, но тогда впервые увидел осознанно. Перед моими глазами до сих пор стоит это грандиозное, великолепное зрелище. Я почувствовал, что этот восход и я — мы связаны, это мой восход. Вот такое же чувство было, когда я услышал непривычное имя: Владимир Ильич Ленин. Скорее всего от отца — он был коммунистом, партийным работником.

Первые стихи на киргизском языке, но фольклор, а новые стихи, которые я услышал, были тоже о Ленине. Помню такую картину: вечер, юрта. Костер угли. При свете керосиновой лампочки мальчик старательно, во весь голос читает по книжке стихи: «Ленин — наш отец». Этот мальчик не я, это мой товарищ, старше меня годами, которому я страстно завидую: он уже учится в школе. Мать с любовью и великим тщанием расстила узором его трапичную сумку для книг, у него есть кожаный мешочек для чернильницы. Он умеет читать по книге. Счастливые мать и отец зовут его уже «наш мulla» — ведь прежде грамоту в ауле знал

лишь мulla. И нет для них большей радости вечером, после дневных забот и тревог послушать своего «маленького мullу» и поглядеть, как его пальчик уверенно ползет по книжке: «Ленин — наш отец, наш вождь. Он отвел от нас беду, дал нам воду, землю, счастье».

Это, как я сейчас понимаю, были самые баскитростные стихи, и не вошли они, наверное, в Большую литературу, но они выражали самую суть. В то время — шли тридцатые годы — Ленины знали уже все. Ленин был для нас чем-то очень великим и в то же время чем-то личным, своим, человеком для всех родным. Он не мог быть роднее и ближе кому-нибудь одному — он был для всех.

Чем объяснить ту непостижимую быстроту, с которой Ленин стал для миллионов не просто известным, но близким, дорогим человеком? Школы тогда еще только открывались, газеты читали очень немногие... Людская молва, которая быстрее любой газеты и оперативней всякого постановленного, разнесла весть о Ленине. У людей, переживших столько тягот, несправедливости, горя, была огромная потребность в человеке, которому можно было поверить безраздельно. Чувства любви и веры хлынули, будто открылись гигантские шлюзы...

Миллионы людей оказались связанными с Лениным в момент массовых решительных, невиданных в истории революционных изменений. Все новое было освещено именем великого вождя: ленинские декреты, лампочка Ильича, первая школа — ленинская, первая библиотека — ленинская, новая жизнь — ленинская.

Новые люди — ленинцы.

Я писал об этом в письме к одному японскому читателю. Среди многих вопросов к автору повести «Первый учитель» был такой: почему Дюйшена, учителя в небольшом ауле, никогда даже не видевшего вождя, называют человеком Ленин? Я ответил так: смысл ленинской связи с делами и жизнью трудового народа в том, что Ленин — в народе, народ — с Лениным. История учителя Дюйшена — это всплывшая классовая самосознания человека в борьбе за свои идеалы. Эта всплывшая, ясная и неустранимая — отблеск могучего пламени революции, отблеск ленинских идей. Дюйшен приходит в школу с именем Ленина и не изменяет ему, какие бы невзгоды ни выпадали на его долю.

Я не выдумал Дюйшена. Дюйшен — историческая фигура в том смысле, что в годы революции таких, как он, было множество. Вернее ска-

Владимир Ильич ЛЕНИН. *Рисунок заслуженного художника РСФСР Б. И. ЛЕВБЕДЕВА*

СНМО

зять, я, как писатель, выбрал своего героя из этого множества. Потом, когда повесть вышла в свет, я убедился, что выбор мой оказался именно верным. Читатели сообщили мне из самых разных мест, что именно такой учитель, как Дюшён, был у них когда-то; что именно он открыл первую школу, именно он был таким непреклонным. Меня даже возникло к первым учителям, убедился, что мой Дюшён и этот старый человек — одно лицо. И действительно, беседа с первым киргизским учителем того лет, я убеждаюсь, что многие из них были своего рода «двойняшками» и по сей день остались такими же твердыми ленинцами, какими были. Пожалуй, самым выдающимся примером среди этих людей мог бы служить классический советский педагог, виднейший деятель драматургии Хамза Ханим-заде. Он был учителем в первые годы Советской власти и убит врагами на посту учителя.

Такими были наши учителя. За ними шли ученики. Полно, и то время перамериканские и октябрьские митинги проходили прямо посреди поля, реи говорили с дождом трюма. На митингах скажались на площадях, на быках, на верблюдах. В то время уже появились пионеры — дети людей, сидевших в шубах на своих верблюдах. Пионеры шероховатые выставляли перед ними, и каждый, делая шаг вперед, говорил стих. И опять многие стихи были связаны с великим именем. Так мы вырастали с ним, оно входило в наше сознание, и существование без него казалось немисслымым.

То были трудные годы. Все сложности, связанные с ломкой старого и утверждением нового. История коллективизации, как известно, полна драматических событий. Нелегко было крестьян отделить от земли, так же сложны были отношения с партией, с советом. Он рассказывал об одном человеке, тот жил на отшибе, упорно не соглашаясь вступить в колхоз. Он оставался единственным, кто отказывался признать колхоз, несмотря на то, что все признаки агитации были уже исчерпаны.

Когда предатель сказал: «Колхоз не в выдумал, это Ленин сказал, что крестьяне должны объединяться в колхозы. «Ну жеги Ленин! — задумался старик. Он ушел и не появился какое-то время. Потом пришел: «Раз это сказал Ленин, значит, колхоз — важно».

В прошлом веке великий русский революционер и мыслитель Черны-

шевский с огачением вопрошал: найдется ли когда такая сила, которая смогла бы защитить простодольно в Хивинском ханстве от немисслых злодейки и притеснения власть имущих!

Такая сила нашлась. Под знаменем Ленина шло преобразование всей нашей жизни. Вот уже больше 50 лет, руководствуясь учением Ленина, мы строим эту жизнь, за азбуку, за первые школы которой боролись учителя Дюшён, и коммуны в Ташкенте, и сотни тысяч безвестных солдат революции. Опыт прошедших десятилетий подтверждает правильность нашего пути — пути всенародного создания коммунистического общества.

Прошлым летом во Франции, на международной выставке книг, у меня был интересный разговор с читателем о Дюшёне. Неужели правда, спрашивали они, что в годы революции в явном крайзе все пришло бы к началу эволюции, с таким трудом, в такой жестокой борьбе?

Да, так все было. И в том величии идей революции, ленинских идей, что даже на крайние бедных и отсталых окраинах, какой была провинция Кыргызстан, Ленин и революция были бы сильнее, чем в Москве, которой нелегко найти сравнение. Исторические дистанции преобразования, начиная веком — от патриархальной отсталости к высшим формам социализма, к собственной науке, собственной литературе, к собственной интеллигенции; к умноженности к свободе, от политического бесправия к равноправию и национальной государственности.

С той поры, которую я вспомнил, прошло много лет. Из детей, которые познавали мир, росли с именем Ленина, мы превратились в зрелые люди, отвечающие в какой-то большой мере за наши сегодняшние дела, за нашу жизнь, за все, что есть у нас и чего еще нет. И в то же время за молодежь, которую мы хотим видеть лучшей, чем были мы. Каждое последующее поколение должно превосходить своих отца, ибо это закон жизни, закон поступательного развития. Теперь, когда мы много знаем, когда за плечами немалый опыт и видение жизни расширилось, теперь личность Ленина раскрылась нам во всей сложности, во всем объеме, и мы должны к нему относиться с большим уважением. Мы должны помнить в суть того, что им было сказано, что он предал нам. И в любой сфере нашей жизни — на производстве, в творческой работе — всюду основные принципы жизни, взаимоотношений человека с обществом так или иначе связаны с учением и заветами Ленина.

ВМЕСТЕ

Алексей ЧХЕНДИЗЕ

Алексей Александрович Чхендизе появился в редакции вместе с двумя школьниками. Они помогли Алексею Александровичу сестры, расстелили ему пальто, приготовили слуховой аппарат, достали рюмку. Словом, это были настоящие глаза, руки и уши ветерана, потерявшего на войне здоровье.

В морских пехотинцах разведчики в годы Великой Отечественной войны спасали летчиков. Боевая операция, о которой рассказывает А. А. Чхендизе, даже сейчас, много лет спустя, поражает своей необычностью. Подземный рейд в занятый фашистами Будапешт — это удивительное событие героизма советских людей, обеспечивающее мир от порчи нашей чести. Книга необычайно бесстрастным рассказом «Смена» открывает новую рюмку, посвященную 25-летию великой победы над фашизмом.

Оторванные гитлеровские части засели в Будапеште. 27 декабря 43-я отдельная бригада морской пехоты со своего 316-й стрелковой дивизии при поддержке артиллерии кораблей Дунайской флотилии штурмом овладела ключевым предместьем Будапешта — Келемешваром. Двадцатого января наши войска полностью освободили Непт. Обласая прорыва освободили танков в Ваку, фашисты за-

минировали все застав мостов города и взорвали их. Заставе со всех сторон, немцы упорно сопротивлялись в районе крепостной горы Геллерт. Здесь, вокруг огромного Королевского дворца, они построили несколько оборонительных линий. Каждая из них выглядела примерно так: на крышах домов стояли пулеметы, лежали замаскированные снайперы. На углу улицы бетонный дол в конце ее — баррикады из кирпичей. Баррикады укрывали автоматчиков и противотанковую пушку. Далее углубля шла такая же линия, усиленная танками и самоходными пушками. Немцы стреляли по любому выходящему предмету.

Наша разведка могла пройти лишь две-три линии обороны противника. Пробраться же к Королевскому дворцу, где находился штаб командующего оккупированной группировки генерал-полковника Вилденбруха, чтобы захватить ценного «языка», нов не удавалось. Выполнить задание удалось только отряду разведчиков морской пехоты, которым командовал старший лейтенант Витольд Калганов.

Как-то, будучи в разведке, Калганов промелькнул на улице люк. А что если пробраться в тыл врага под землей, по канализационным трубам? Но где достать схему? Помогла инженерная девушка, студентка Мари: она наша спецназистка — пенсеновра, бывшего служащего Будапештского муниципалитета, инженера по эксплуатации канализационной сети.

На столе Калганова чистый лист бумаги, карандаши. В комнате гудит труба. Сможет ли инженер на память восстановить схему подземных люков? Но он работает уверенно: часто останавливается, внимательно рассматривает наброски, отмечает выходные линии, диаметры труб. Наконец мы получили завет-

ную схему. По ней и был составлен план подземной операции. Четверо разведчиков приказали выступить. Лекций морок, сней сыплет хлопьями. Мы одеты в короткие плащи, зроровые сапоги, на руках кожаные перчатки. На ногах — сапожки с валенными дисками, носилеты, гранаты, кожи, противоядия — без них немисслы было идти по аэрионным трубам.

Подшли и разбитому танку — за своим входной люк. Первым спустился Калганов, за ним Андрей Малых, Люблина Жоржичев, Василий Никулин, Бенедикт Андреев, Алексей Гуря, Григорий Коцаря, а в еще пятеро морских пехотинцев. Охранять люк остались трое — Анатолий Семенов, Шота Макаванадзе и снайпер Иван Авдеев.

Диаметр трубы около метра. Идем, согнувшись вдвое, молча. Иногда труба сужалась: мы ползли на четвереньках, погружая руки в холодную сточную воду.

Продолжили идти. Казалось немцы, их тыл. Калганов временами на секунду включает зеленый фонарик, освещает складные стены трубы. Последним идет снайпер. Он несет телефонный аппарат, за которым катушка с проводом. Это наша связь с командным пунктом.

Идем уже два часа. Внезапно превратился снайпер — оборвался провод. Снайпер вернулся на командный пункт. Стал задыхаться морской пехотинец, который нес запасные противоядия (для яды). Пришлось и мне отравиться. Завалил вправо, сосунуться, чтобы забрызгать вьет него противоядием. Нас осталось одна-двух.

Вот наконец и то место, где по плану операция мы должны разделиться на две группы, чтобы затем выйти на поверхность в разных концах Королевского дворца.

— Группа Андреева, влево.

Сам Калганов повел остальных вправо. В нашей группе во главе с Андреевым шестеро. Мы знали, что от развалин до выхода оставалось пройти совсем немного.

Андрей Андреев встал во весь рост. «Колхоз!» Я сделал шаг вперед и тоже с удовольствием разогнул спину. Мы снайпер противоядия. Времена — десять минут второго. Это значит, что шли по трубам три часа со минут. График подземного движения, составленный командиром, оказался точным.

По металлическим скобам, вбитым в стену колодезя, я пошел наверх, к крышке. Тяжко. Пробую оторвать люк — не тут-то было: крышка примерзла. Жму сильнее — опять неудача. Снял толстый шарф, обернул им крайки автомата, ударил по крышке. Поддалась!

Люк, под крышкой которого мы стояли, находился в глубоким тылу немцев, немного севернее Королевского дворца. Выходил на западную сторону, недалеко от церкви Магалины, в конце маленького переулка, примыкающего к площади. Именно здесь у немцев скопление артиллерийских осколочных пушек, артиллерийский Перулюк пист. Я дожидался от этого Андрееву.

— Поднимайтесь наверх. Я вышел на улицу, осмотрелся, подал сигнал «Выход!». Андреев и Глоба безмолвно высолонили из люка и заскрипели тяжелой крышкой. В колоде, как резерв, остались Коцаря и Гуря.

Неторопливо движимся к площадке, с насладением дышим свежим морозным воздухом. На противоположной стороне площади видны тротуарные лавочки с колоннами. Перед ним памятник, неподалеку от него так с зенитным пулеметом. Далее — две артиллерийские батареи, восемь стоят двадцатимилли-

Пусть никто не подумает, что мы в чем-то преувеличиваем значение В. И. Ленина. Напротив, мы, быть может, не все еще смогли сказать о нем: কাছে революционер, Самая, конечно, которую мы писали о Ленине, и считаю, это просто прекрасные произведения. Но мы думаем, что Главная книга о Ленине еще впереди. Быть может, потому, что о такой исторической фигуре можно судить объективно и полно на большой исторической дистанции, обобщая опыт всех поколений, воссоздавая образ Владимира Ильича Ленина в соответствии с тем, что является задачей современной творческой молодежи. Сделать это чрезвычайно трудно, потому что это великий соблазн превратить этот образ в абстрактное выражение гения и человечности. Но тогда он уйдет от нас, и мы не сможем не почувствовать его присутствие и его мудрые и интересные мысли. Но как раз в этом заключается искусство — так сказать о Ленине, чтобы читатель, зритель, слушатель был глубоко взволнован и Ленин вошел в его духовную жизнь как необходимая часть его самого. Я думаю, что искусство в чем-то должно нам завидовать — наше поколение было ближе к живому Ленину. Нам постигались и увидели сам процесс становления нового строя, происходившего бурно, драматично и вдогонимости. Зато современная молодежь выросла в несравненно лучших условиях. Революционный опыт значительно обогатил, он изменил, и отнесен за те годы, когда страна вступила на твердую основу развития. Современная молодежь поэтому богаче нас знаниями, и интеллектуальное развитие ее идет куда быстрее, чем прежде. Мы всецело приобщены к знаниям богатейшим эмпирическим, а именно, к тому, что в действительности есть все возможности полной мерой черпать богатство знаний, культуры. И жить полнокровней, и развиваться куда быстрее, и больше думать, больше делать, больше достигать. Не для того, чтобы подальше отгородиться от мира, а потому что в состоянии творческого корабля изобретены большие преддущего, выплывало больше стали и написало гуще книги. Не для формального соответствия закону развития современные юноши и девушки должны быть умнее, сильнее, энергичнее нас. Каждый день сегодня укрывает задачи, стоящие перед Ленинскими, и в том числе перед молодыми людьми, каждый день приходит привет коммунистическому обществу. Обществу, о котором мечтал Владимир Ильич Ленин.

Проглядывая всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 1 [1023]
ЯНВАРЬ
1970

Наша обложка:

токарь
ленинградского
Балтийского завода
ВИТАЛИЙ ИВАНОВ.

Репортаж о Всесоюзном конкурсе токарей

«Поскольку со сталью и временем читаю на страницах 6-8.

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

12

СЕМЕН
МИХАЙЛОВИЧ
БУДЕННЫЙ
«ДЛЯ МЕНЯ
ОБРАЗЦОМ БЫЛ
ЛЕНИН».

4

ЧТО ТАКОЕ
УСПЕХ...

На рабочей
трибуне «Смены»
депутат
Верховного Совета
СССР, спесарь
В. В. ЕРМИЛОВ.

метров пушек. На призывающей и поощряющей улыбке в их ряды семь шестилетних мальчишек. За ними слова орудия.

Одно лето сделано — есть интеллигентная. Теперь нужно взять «языка». Для этого выбрала темный подъезд пустого дома — именно от него можно пройти до люка с «языком» немецких дивизий.

Мне уже приходилось брать «языков», среди них был и генерал, командир немецкой пехотной дивизии. Андреев внимательно поглядывает на часы. Наконец он читает выходку двое — офицеры! Один среднего роста, толстый, в черном кожаном пальто; второй — высокий, плотный, в шинели.

Гитлеровым рядом. Мы высканиваем из подъезда. Прикладом я бью по голове толстого гитлеровца и тут же валю его на землю. Андреев сует немцу клин, быстро связывает руки.

За второй фаншот? Глоба ударила офицера по голове. Но здоровенный немец удержался на коленях. Он удержал от второго удара, схватил Глобу своими сильными длинными руками. Опасаясь тревоги, Глоба хватает нож. Тут нельзя оставлять на улице. Русский разведчик выдвигает его к люку. За Глобу идет Андреев — за его спиной «языки». Я иду следом, прикрывая товарищей. Андреев открыл крышку, бережно опустился в колодезь толстого немца. Туда же Глоба сбросил и убитого. Прежде чем закрыть крышку, минуты две смотрю на колодезь — все сплывало. Сигн быстро стает наши следы.

В люке темнело. Андреев включил фонарик, навел его луч на пленного. Он никак не мог прийти в себя. Андреев вытаскивал юна рта клин, сбавлял мне:

— Алеша, успокой его, покажу-ста.

Я разговорил с пленным по-немецки, объяснил, что ему гарантирована свобода, но что чтобы вернуться домой, надо нам. Майор из штаба бригады ступовых орудий вытаскил свои документы...

Пора возвращаться. Я снял прокладку и подкал его пленному. Диваликс мы без остановки. Атмосфе-

ра, насыщенная газы, до боли редела глаза, затрудила дышать. Но мимо воли текли слезы, остро щипало в горле, тошнило, кружилась голова.

Скоро мы были в разведке, где нас поджидала группа Калганова. Трое его разведчиков — Аркадий Малахов, Любима Жоржевич, Григорий Дворбедаев вывалили на люка подкалку и изнутри открыл ворот дворца короля Матильды. Там они бесшумно зажали немецкого оберлейтенанта, офицера оперативного отдела.

Теперь перед командиром стояла сложная задача: вывести разведчиков и пленных на поверхность до рассвета и при этом не погнать в дороге ни одного человека. Мы очень устали — сказывалось огромное физическое и нервное напряжение. Возникались мы и на пленных? Смогут ли они выдержать тяжелый подъемный поход. Жоржевич отдал свой противоязв пленному оберлейтенанту.

Невысокого роста, подвижный оберлейтенант шел по трубе бодро. Толстому и уже немолодому майору было трудно поспевать за нами. Калганов хогт и спленил, но все же устранил короткие передышки...

Проплы половину пути. Совсем обессилел пленный майор, пришлось тащить его. Калганов сообщил, что до выходного люка осталось пройти еще 100 метров. А вот и колодезь. С помощью товарищей, оказавших мне на помощь, я выбрался из люка. Срывается противоязв, жалко дышим свежим морозным воздухом. А что с пленным? Немалый оберлейтенант сидит на снегу, тяжело дышит и удивленно оглядывается вокруг. Пленный майор лежит и не шевелится. Смысл извести его люка, вытаскивать — привели в жертву...

Пять часов утра. Мы быстро опоздали к нашим передовым позициям, дождавшись рассвета, выдвинулись в направлении пункта. Наша разведка и полученные от гитлеровских офицеров сведения оказались весьма ценными. Утром 13 февраля 1945 года столица Венгрии была свободна.

16 КРАСОТА РОДНОЙ
ЗЕМЛИ.
ФОТООЧЕРК О КАВКАЗЕ:
«ЖИВЫЕ ГОРЫ».

СУДЬБА ФУТБОЛА В
БРАЗИЛИИ.
Документальные
очерки
Игоря Фесенкуко.

24

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

«КОММУНИСТ». ОЧЕРК
О СОРАТНИКЕ ИЛИЧУ В. А. КАРПИНСКОМ

ЮРИИ НАГИНИН. ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
О СЕГОДНЯШНЕЙ АМЕРИКЕ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЗНАЙМЫД СЛАВИНОЙ —
МОЛОДОЙ АКТРИСЫ ТЕАТРА НА ТАГАНКЕ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: Г. М. Гусев, Е. А. Долгановский, К. И. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кушлов, А. С. Павлов, А. А. Литвинов (политический секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Е. И. Рабчинков, Г. В. Соколов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник)

Художник О. Теслер

Технический редактор Н. Буднич

Рабочая трибуна «Смены»

С Героем Социалистического Труда,
слесарем завода
«Красный пролетарий»,
депутатом Верховного Совета СССР
Виктором Васильевичем ЕРМИЛОВЫМ
будесудет наш корреспондент
Галина Режабек

Слова может быть тысяча отнюгов. Чуть изменил ему интонацию — и, благозвучное, уважаемое, оно обернется к тебе горьковатой иронией.

Есть в русском языке строгое и спокойное слово — рабочий. Оно среднее тем неизменным понятием — земля, хлеб, вода, — которые уродовать и кромать всегда считалось грешно. А вот надо же: в жизни отпочковалось от слова «рабочий» нечто грубое, нахальное и давящее — «работага». И живут они — дети одной матери — как два непохожих и разных в судьбе сына.

...Он приходит ко мне приблизительно раз в месяц, траповатый, всегда чуть навеселе. Лицо начинает раскраснеть все гайки на водородном кране, заглядывает в ванну, цупает батареи, все быстро и ловко, а потом долго топчется в коридоре, ожидая приятного. «Вот нам, Слава, Заходите». Десятки домов, сотни квартир, разные люди, а краны одни и те же: синий — холодный, красный — горячий. И ностальгия: «Ах, вы знаете, батареи вилку греет, сверху — нет». И все вытаскивают в глаза всемогущему, капризному батарейно-водородному богу.

Как-то я разговаривала с ним, еще молодым парнем, совсем недавно начавшим свой тернистый путь с атласа на узге. У него везли в кармане простые и юбилейные монеты, и пахло от него дешевым портвейном, который никогда не исчезает в маленькой продуктовой лавочке-вручалочке.

— Сколько лет смеяться ходит вот так? — Как? — спросил он.

— Ну так, краны вереть, мзду собирать.

— Хал — сказал он. — Угу, конечно. Это ж разве работа! Кореш один расскажмала: можно в новые ведомственные дома устроиться, там краны не текут, а «бакки» идут. И лифчик есть. И квартира своя.

— А тут по совести слез бы? — У ты так считаю: работа дураков любит.

А тут по совести начнешь, грызть черев от заимешь. А мне жить хочется... — И он так

Веселой с В. В. Ермалова «Смена» открывает новую рубрику. Журнал профессиональной трибуны старейших кадровых рабочих и тех, кто бежит первые шаги в своей профессии, руководителем предприятий и ученым, которые начинали свой трудовой путь у рабочих станков — все это, когда не диктовало счастью хорошо знакомым жмзнь и проблемы, заботы и радужка рабочего человека.

ЧТО ТАКО РАБОТА?

завернул кран, что я теперь его только двумя руками открыть могу.

А угоди, убедившись, что я не росла сумасшедно и нервно в сумочке, сказал наместничью и с вывозом:

— Нам, работам, как говорится, что надо — гроши да харчи хорошиче. — И он очень удетально хлопнул дверью.

Вот и думаю: может, потому и отпочковалось это слово, чтобы в великом рабочем труде выдти определенные понятия? Потому что, «б-бог», несправедливо, что в трудовой книжке этого моего ананасного и в трудовой книжке Виктора Васильевича Ермалова сделана одна и та же запись: рабочий, слесарь.

Уже же, когда, на каком жизненном этапе человек делает выбор, в результате которого происходит рождение Мастера или Халуги, Высокого Профессонала или Халтурщика? Когда, в какой момент рождается человек с сердцем Героя Труда или мелкой затвончик, собирающий «навар» для очередной встречи «на троник»?

И не заблуждаюсь: нет единого ответа на все случаи жизни. Но есть человек, который сорок лет проработал слесарем на одном и том же заводе. Стал Героем, депутатом. Интересно узнать, что думает о жизни человек, прошедший в рабочей профессии главное свое дело и счастье.

— Давайте по порядку, — говорит Виктор Васильевич. — Насколько я понял, речь идет о двух вещах — о выборе профессии и о выборе образа жизни. «Работага» в том смысле, как вы ее употребляете, — это отношение к жизни. И встречаешь такие «работатяги» не только среди людей рабочих профессий. Они есть во всех сферах. Говора о них, вряд ли нужно делать упор на то, чем они занимаютсн. Им это все равно. Работа не приносит им ни радости, ни стгорчений. Их волнует одно — «зашибать» (они не зарабатывают, а именно «зашибают»). Я лично считаю, что труд радостен, когда он хорошо организован, правильно оценивается, как раз всего лучше

оберегает человека от психологии «пабашиника». Потому что дает основана, и отличает от «работяги», уважать свою работу и себя в ней.

Что касается выбора профессии, то дело это сложное, тонкое, однако таким оно стало и ваше время. Выше я уже делала «свадьбу» от нас знаешь. Но это необходимо для ясности вопроса и просто для справедливости. Посмотрите сейчас: и родители и дети обеспокоены выбором профессии и ошпика. По два, по три года штурмуют один и тот же вопрос, только бы поспать. Такая безустремленность мне нравится, хотя не могу не заметить: по году, по два сидят всемашидагителити, взрослые, работоспособные парни и девчата в ожидании любимого мужа, любимого дела. Я убежден, всякий «простой» в семнадцать, всемашидагителити опасен развитием отрицательных черт и прежде всего склонности к иждивенчеству. Но это у нас от широты, от процветания, а всего больше, пожалуй, от отсутствия культуры. Не понимаем мы, что растущему организму противопоказана праздность, тогда как бы приспособились сосульки или подвалы. Нужна нагрузка эмоциональная, физическая, умственная, если мы не хотим растить Илюш Обломовых по складу характера.

Как вот, сегодня выбор профессии — проблема хлопотная и иногда, как я знавал, чреватая. В наше время все было иначе. И вообще выбор профессии очень зависит от конкретного времени. Мы должны были сразу становиться трудниками. Это означало вхождение партии, правительства. Время диктовало величайшее уважение к работе. За моей спиной не стоили берущие меня родители, в семнадцать лет человек уже брал на себя ответственность за своих близких, самому рассчитывать на кого-то было неприлично. Как, замечаете отличие? Это не образина, просто «иногда задумывалось», откуда рождается разного рода иждивенческие люди, которые со временем становятся приспособленцами? Разве не так? Сначала за палиной спиной (ах, не предпринимай, он еще ребенок, он такой и так иждивенспециализиру), а потом уже все равно, чья спица, лишь бы зацепиться, лишь бы не дуло...

И стал слесарем. Нужна была профессия — я ее получил, а вместе с ней получил право быть самостоятельным. Это — состояние, которому каждый человек должен стремиться. Я ждал до этого в прекрасных краях — на Каме, мела до вас чудесные, а вот работы по специальности не было. Ну, и тронулся я в двадцать лет на Урал, побывал в Новомосковске. Вернулся, потому что как и все молодые, был человек горячий, решительный. Не поправился мне, как со мной разговаривали на заводе, как говорится, хлопнул дверью и ушел.

Кстати, мы сегодня очень уж строги к тем, кто свой характер ломать по случаю не умеет. Это не так плохо. Я считаю так: летуны не имеют права на уважение. Они ни себе экономически не выгодны, ни государству. Но что, среди них есть квалифицированные рабочие, которые уходят только потому, что на них все равно завод не рассчитан. Они ни себя материально и материально их заинтересовать как следует, тоже веро. Рабочего человека надо уважать. Я двадцать лет проработал на «Красном пролетарии», уже один имел в уме, бы. Был такой момент, когда мне показались, что не ценят меня. Хорошо, что я понял, что ошибаюсь, это дало ли больше ли меньше еще двадцать лет моей работы на заводе. Уважало это или нет?

— Но вы сами сказали, что имели тогда уже orden. Как же охота отступать от уже полученного? Вас и поугаваривать можно. А тут уважит парнишка, его и имени никто не знает.

— Кстати, по моим наблюдениям, чаще все-таки уходит рабочий, только что овладевший профессией. Имрут лучше: заработок ли, отношение к себе, квартире ли.

— Виктор Васильевич, не противоречите ли вы себе? Так ли у вас всегда было хорошо? И не удерживало ли вас на месте то, что разумнее всего чего-то добиваться на

оном принимать, а не летать с места на место? Всякая такая «перелет», по-моему, нечет и нравственные потери.

— Безусловно. Прежде всего у человека делается душной характер, а это ни в по-рятке? Рождается неверие в себя, подорвание в какой-то области справедливости, и самое страшное — человек теряет интерес к жизни. Ведь человек может стать мастером своего дела, если занимается им упорно, изо дня в день.

Переводит меня как-то на участок повышенной точности. Пришлось быть сразу и слесарем-сборщиком и слесарем-паровником, и токарем, и малячком, и специалистом по металлу. Нужно было вспомнить все, что ты знаешь на уровне поттера, и все пригодились знания и по физике и по математике.

Если бы я не проработал на заводе много лет, разве предложили бы мне такую ответственную и интересную работу?

— Мало бы просто слесарем. Прежде всего надо быть в нашем деле станковостроителем. Надо уметь представить весь процесс работы станка.

Когда я пришел на «Красный пролетарий», мы выпускали 60—70 станков в месяц. Если я скажу, что сейчас мы делаем в десять или двадцать раз больше, то это еще ничего не объясняет. Тот станок, который я собираю, сейчас участвует, скажем, сегодня, по производительности равен совокупности многих старых станков.

Мне пришлось собирать первый товарный станок первой советской модели с самоназванием названием «ДШИ» (доставать и перегнать). Вместе с товарищами впервые в мире освоили поточное производство серийного станка. Сегодня я работаю на предпоследнем участке, где собираются станки особой высокой точности. Работа почти ювелирная.

— Вы сказали, ювелирная. А ювелир — профессия, которой не грозит замена автоматом. Значит ли это, что и ваша работа слесаря-сборщика, всегда остается в своем, так сказать, нерожденном виде?

— Ну, в первоначальном виде ничего не остается, все претерпевает изменения, совершенствуется. Но точный станок всегда будет собирать люди. Потому что, если бы не было, нужна не только точность — это машина умеет лучше человека, — нужно уметь слышать и чувствовать то, что ты собираешь. Станок надо любить. Иначе просто сделаешь специалистом. Я помню, как одна молодая фрезеровщица на вопрос, что ей нравится в ее работе, ответила: «Сдешь детали, и жалко с ними расстаешься. Такие красивые, блестящие!» Это — творчество, а не «квалитиванье», как у нас иногда еще выражаются.

— А что вам не нравится во «квалитиванье»? Мне кажется, что в каких-то случаях являю они очень точно передают полную отрешенность от всего, кроме работы.

— Ну, не скажите. Мне не нравится это слово. В нем есть что-то пренебрежительное к самому труду. Я «покалываюсь», а дальше трава не растет. А это уже как раз позиция такая, при которой вообще отсутствуют интерес к своему делу, наконец, простое радость, удовлетворение, которое приносит труд для той же вещи как фрезеровщик. Если его нет, если ты хотя бы «квалитивань» и тебе все равно, что ты делаешь, что, знания, мне лично с тобой неинтересно.

— А разве мы не «квалитивань» в войну? — Мы работали до седьмого пота, до невозможности, но это был наш вклад в победу, а не «квалитиванье». «Квалитивань» «покалываю», а человек, для которого работа хотя бы немного больше значит, чем просто средство существования, работает. Не надо менять это слово на имя нечеловеческое, по которому распространены понятия.

— Ну хорошо, оставим терминологию филологов, перейдем, так сказать, к сути слов.

Думаю ли вы, Виктор Васильевич, о славе, известности в молодости? Хотя кто об этом не думает...

— Все, что приходило, было каждый раз неожиданным. И то, что я стал делегатом XXIII съезда, и то, что меня избрали первым рай депутатом райвета, и раньше — орден Ленина и звание Героя. Мне всегда казалось, что я слишком высокой оценкой, потому что я живу вокруг себя очень хороших рабочих и инженеров в нашем профессиональном мире. Но что совершенно точно, так это то, от чего я всегда шел: работой честно и квалифицированно. Мальчишкой я себе говорил: смотри во все глаза, ничего не прогади, что можешь пережить. И так вот все жила, во все глаза, во все глаза. О а о «слесарной» известности я не думал. Об этом нельзя думать, нельзя сразу планировать славу, успех. Хорошо, если получится. А если нет? Трудно потом будет. Нужно думать так: а буду это делать хорошо, лучше других. Для меня это большая радость. Люди заметят и твою радость и твою работу.

— Это не всегда легко бывает объяснить, тем, кто выходит из школы. Наверное, потому так страстно рвутся молодые к профессиям, которые уже сами по себе очень азартны. Ругают-остаются мыслью: «Мое, если я артист, или космонавт, или дирижер, то я уже только потому становлюсь значительным. Но увы, мало мальчиков, которые сразу говорят себе: буду-ка я хорошим токарем, ничего мне другого не нужно.

— Это издержки наших зваований — достижений образования, возможности прямого выбора. И недостаток информации о самом предприятии. А я вернусь утверждать, что сегодня на многих современных заводах у слесаря почти куда интересней работа, чем у инженера или просто работника интеллигенции. Нет ничего удивительного в том, что именно к нам, непосредственным создателям, приходит влюбленный конструктор и говорит: «Помогите и подскажите, как лучше надо сделать. Вам виднее...» Это не традиционная дика уважения работой — это действительно наша вера в творческий потенциал слесаря, в его «думание».

— Да, это прекрасно, когда рабочий — Давид-мастер, Левша. Мы не очень умеем это проангажировать. Я был недавно в одной рабочей бригаде, все в ней очень держалось за свое, касты, тоже слесарью работало. Но привязка к ней в основном часто материальная — хорошо зарабатывают.

— Понятно. Но платят за высокую квалификацию, за мастерство, умение, точность. Это тоже пропаганда, пропаганда рублем. Сменю вид всех звать в рабочие, нужно не упустить того, где место у ступка, а он берет кулда...

Нужно с детства научить ребенка ценить любой труд — и космонавта и уборщицу. Это краеугольный камень любого образования — труд. Нужно показывать, убеждать, что самый развитый, эрудированный бездельник — прежде всего бездельник. Двойной бездельник. Что кажини бы обещаниями ни был, как бы обещаниями ни был, как бы велики ни были потенции человека — он пустоует без труда. А его не приложенная к делу «интеллектуальная» нуль. Если человек с энтузиазом лет вперед, что ни делай, без работы, считай, что человек не пропадет. Потому же предстоит сделать более легкую часть в формировании характера — выбор профессии.

— Почему легкую?

— Да потому, что молодого человека не будет ждать, пока он закончит школу-интернат, — он всякий труд ценит, а он уже будет искать себе интересную работу, а не приберется к тому, что сегодня нужно. Он будет говорить так: мне нравится быть офицером, а я им буду... А наши молодые люди идет часто от другого: мне нет интереса не очень нравится, я бы лучше людей быть. Но ведь смеяться будут: что, снамгу, ты уж ни

на что не способен? А он способен быть прекрасным парашютистом, это разве плохо? Или не нужно? Плохо, когда торжествует культ диплома, а не культ мастера.

Уважать любой труд, считать для себя неслабым и посуду помнить и огород вскопать — вот что надо воспитывать.

— Вы так воспитываете своих детей?

— У меня сын — школьник. Летом он поехал в экспедицию с геологами. По собственной инициативе. И я рад, что в трудную минуту он сумел заменить заболевшего шофера. Наверное, наведала в моей памяти остались полтора года, когда я в последний год на «Красный пролетарий». Я тогда в первую минуту подумал, что какой-то незадачливый учитель решил нехотя экскурсию провести. А оказалось, что он пришел к нам походу на вырубку. Прегранные выросли люди.

— Мне очень много говорим о воспитании молодежи, пожалуй больше, чем делаем. В чем, на ваш взгляд, изъяны в воспитательной работе с молодежью?

— Мне кажется, большинство наших бед в воспитании молодежи кроется в примитивности. Мы все время пытаемся изгадуем от, этот молодой человек, и идем к нему с тем, что лежит на поверхности: скажем, зашучу-ка я его в кружок. А он сопротивляется этому, потому что наше предложение идет не от его личного интереса, который мы не сумели разглядеть, а от нашей горюпности, желания «охватить», занять его время или чем «полезным». Человека надо вести к самому простому, но наиболее для него знания к новому, примыкающему знанию к новому интересу. От знания к знанию — вот и все секреты.

Прибегает ко мне комсорг: «Виктор Васильевич, марш! Совместимые комсомольские собрания»! Иду. Комсорг красный, по столу кулаком стучит, лишением перны гугает. Ну, ребята уме в ответ — очень дипломатический разговор, очень вежливый. А дело все в том, что комсорг назначил собрание на футбольный день, ну, и не пришел.

— Что я вижу в этой истории? Прежде всего уверенность по школьным лет собрания: если что-то срывается, урок ли, собрание, общим усилием, значит, все правильно. Мне вот такой необоснованный «коллективизм» протривен. Он ушибает человека. Он ставляет его претаться на принцип — все так делают. Это плохо, это даже опасно, потому что освобождает от необходимости думать и самому принимать решения.

С другой стороны, в этой истории стоит комсорг. Он славный парень, но чточку демагог. Я ему говорю: если у завода по чьей-то вине горит план, к кому ты идешь? Ты идешь к директору, а не к комсоргу. И не ждите, что он сходит к ним за такой мажорство — поговорят-ка о дне собрания? Почему пренебрег их точной зрения, наконец, пренебрег их интересом? Откуда у него, у молодого, этакая бюрократическая демагогия? Откуда кулда по столу, крики — «примени лину»? От отсутствия культуры. Это опасно, когда начальник, вожак — человек некультурный. На нет сведет такую мажорство все усилия других людей, некультурные воспитатели. Крик, грубость, неуважение, а в результате все то же самое потом найдете у подчиненных такого горе-руководителя. И в первую очередь у молодежи.

— Наверное, все эти наши мысли, касающиеся молодежи, найдут отражение в «Рабочей повести», которую вы пишете?

— Ну а как же! Хочется рассказывать о рабочей профессии, о той радости, которую она несет, если ей отдаваться. И не только. Я пишу о своей жизни не потому, что она интересней других, нет. Просто свою жизнь я знаю. Все доброе в ней пусть кому-то поможет, все мои ошибки пусть предупредят других. Я пишу о своей жизни, о своих ошибках, — повторять слово ничего не нужно. Но я хочу, чтобы поверили в счастливую рабочую судьбу...

В Ленинграде состоялся
Третий всесоюзный конкурс
молодых токарей.

Каков клд этой необычной формы
профессионального совершенствования,
ставшей насущной заботой комсомола!
В чем секрет популярности состязаний,
проходивших прошлым годом
и по другим профессиям!
Об этом наш
сегодняшний репортаж
из города на Неве.

Татьяна КАМЧАТОВА,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

Сейчас для них ничего не суще-
ствует, кроме металла и быстро-
текущего времени...

Задание получено... Секунды на размышление — и за работу.

ПОЕДИНОК СО СТАЛЬЮ И ВРЕМЕНЕМ

Авторитетнейшему жюри предстоит определить победителя.

РИСТАЛИЦЕ БОГАТЫРСКОЕ

Я смотрю на них, хлопочущих у своих станков, и вдруг невольно вспоминаю фотографию, которую довелось как-то увидеть в одном из залов Музея истории Ленинграда. На том снимке, сделанном в годы страшной блокады города, — тоже токарь. Под ногами у него здоровенный ящик, иначе не дотянуться до рукоятки суппорта. (Станок ведь не рассчитан на тридцатилетнего!) Тут же на тумбочке — чашочка снарядных корпусов. Отчетливо помню глаза, следящие за резцом. Огромные на

донельщице искудавшем лице. Горькие и суровые морщины на лбу...

Подумалось: а смог бы этот голодный мальчишка на своем старом, разболтанном станке сделать то, к чему готовится сейчас ребята, его младшие братья и коллеги? Вероятно, да. И помогли бы ему не только условия исключительного военного времени, но и рабочая гордость, которой так сильны всегда были русский мастеровой. Она, эта гордость, чувствуется сейчас в каждом из участников конкурса. Как традиция, которой следуют, которую берегут.

Ситанные минуты остались до начала турнира. И кажется, именно сей-

час с особой четкостью обрисовались характеры тех, кому предстоит «искрестить металл». Один откровенно нервничал, Босделов, Босделов... и так далее с места на место инструментами. Другой нарочито безразличен. А у большинства настроение боевое. С непереносимыми улыбками ждут они сигнала. Всплеск распространяется по залу — и началось без шума. Александр Бухаркин из Кирова, первым подошедший тануть железо с номером станка, выстоял 13,4. Ну, и в следующий момент разговор о приметах, суевериях... Анатолий Землянский из Хабаровска вытнул самый последний, 24-й номер. И снова смешки. Мол, не робей, Толя, такова уж твоя планка!

Многочисленная команда украинских токарей, приехавших в школу передового опыта, быстро переключилась в боевой ритм. Они подбадривали двух своих земляков — участников конкурса — плакатами типа «Держать так, как футболисты киевского «Динамо»!

Объем, настроение шарло приподнято, бескомпромиссно. Ведь на ристалище богатейшего со всех концов страны съехались лучшие токари, победители различных зональных конкурсов. Если и не доктор, то уж кандидаты токарных наук наверняка!

Задание у ребят несложное, — сказал председатель жюри, знатный ленинградский токарь-новатор, Герой Социалистического Труда Алексей Вячеславович Чув. — Каждому надо сделать корпус изнутри и снаружи, и наружную резьбу. Но на этой детали надо одинаково хорошо продемонстрировать все грани нашего токарного ремесла: и точение, и доводку, и многое другое.

Все готово. И вот в огромном светлом цехе Адмиралтейского завода, украшенном флагами всех союзных республик, прозвучал сигнал. Слово в ответ взяли станочные моторы. Время стало рубиться на крошечные доли секунды. Рядом, вблизи, многих соотношения всего этого уже давно выверены, стали в какой-то мере автоматизмом. Он тоже, конечно, сыграет свою роль. Ведь в турнир — это испытание не только мастерства, но и быстроты выполнения операций. Правильные рабочие навыки плюс смекалка — лишняя гирька на чашу весов.

До конца экзаменов еще далеко, а уже определились лидеры. Оперение, видно, нелегко — минута, ну, разве за 17 м станка Геннадий Баламуткин из Алма-Аты явно шло вперед. Он уже начинает завершающие операции.

Второе у кого заминка Володя Калинин из далекого города Ялаторска, Томской области, не позволило с самого начала. Он не успел до конца заточить канавочный резец. И вынужден победить в седьмом броске, когда увидел, что недоверенный инструмент придется пускать в ход. Но характер у парня, видно, бойцовский. Решил побороться. Своих методов, впрочем, от его станка женщина с голубой повязкой члена жюри только голубой почкала.

— Что у вас? — спросила я. — Самого себе перепилить решил? У меня станк плавильщик и вразряд поди, пошвые. А я на такое не решаюсь бы.

Мы разговорились. Токарь завода «Гомсельмаш» из Ленинграда Александр Савинский представитель откомхоза СССР Нелли Витольдовна Кострова впервые принимает участие в судейском жюри такого турнира.

— Очень это интересное дело —

говорит она. — И перспективное. Отличных мастеров можно готовить. И не только показом и теорией, как до сих пор. Есть в этом, ну, романтика, что ли...

А вот и первая деталь! После мадридистки — проверка точности, чистоты обработки, высчитывания производительности, определяются степень культуры труда. Все это очень сложно. Достаточно сказать, что одной только точности может быть предельное отсечение 40 баллов. А все оценки составят 135—140 баллов.

Все новые и новые детали ломатся на стол жюри. Я беру один из них, еще теплую, словно волнение токаря передало телу моему, сверхаковую деталь. Замысловатая форма, нитки резьбы, чистота обработки... Какое все на высоте. Но один из членов жюри, просмотревший деталь, сокрушенно качает головой. «Перехватил сотую!»

Сотая доля миллиметра — камень преткновения для молодых токарей. С такой невероятной осторожностью надо вести обработку, чтобы «выстоять» ее, неосознанную! Впрочем, некоторые старшие токари действительно чувствуют эту величину. Возьмем в пальцы одну деталь, потом другую... И скажем с уверенностью: «Вот эта на сотку побольше будет». Фантастично!

ЖЮРИ НАЗЫВАЕТ ФАМИЛИЮ

роший парень. А видишь бы вы, как он сыпается! Ну, так старательно пытался услышать, свою фамилию на первом месте! Снахлил человек, с молодых лет умеющий так сосредоточиться для работы. Видно, долгие годы вердье рубил чемяками его характер.

— К хорошему мастеру я попал, — подтвердил Анатолий. — Токарь Иван Федорович Яковлевич из Хабаровска оказался на наши занятия, со своими учениками. У станка задерживался, домыл к себе пригласил. Кев, бывало, говорил камидж, если что-то не получается, так иди сюда!

Анатолий Землянский награжден золотой медалью Выставки достижений народного хозяйства СССР, почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, памятными часами.

Позже я увидела, как он заскочил в почтовое отделение и вскоре догнал ребят, улыбаясь в карман кивачиком.

— Телеграмму давал!

— Как же Любу не порадовать! — улыбнулся Анатолий. — Жена моя работает у нас же на заводе планово-учетной работы. И ведь в техникуме пятый курс кончу. Возьмем холодной обработки металл. Скоро, видно, самому придется работать учеником.

— Тогда когда я смотрела, как ты токарей, честное слово, казалось, что уж очень все медленно получается. Кто, поговаривает: «Ты же ведь будешь» — так основной принцип!

— Не сказал бы. Но вообще-то торопиться не люблю. Пожалуй, главное — точно рассчитать канавку под резьбу. Так надо, и шерсть прибавить можно. Но, а лихачить за счет качества — это уж последнее дело. Отвечать перед самим собой, перед совестью нужно так, как будто работа. Вот тогда и будет хорошо.

— Для своих лет — мастер экстра-класса, — сказал, пожимая руку победителю, инженер завода имени В. И. Ленина один из первых советских токарей-скоростников, лауреат Государственной премии Генрих Станиславович Бортикович. — Это здорово, что вы так хорошо плоху работаете. Смотрите только «звездную болезнь» не подхватит!

— Да минет меня чаша сия! — смеется Анатолий.

Несколько меньше количество баллов набрали мастера Владимир Сидоров и Виталий Иванов с ленинградского Балтийского.

Были учреждены специальные призы за высокое качество изготовления деталей, а также за лучшее теоретическое подготовку, самому молодому участнику конкурса и другие. И, честное слово, я рада была увидеть в числе отличившихся мастера из Ялаторска. Хотя канавку он сделал не на должной высоте, но вся работа в целом понравилась жюри.

— Молодежь, что не бросил на полдник! — говорили юные товарищи. Быть так до конца!

А потом был вечер в ленинградском Дворце труда. Встречи с коллегами, работающими на разных предприятиях города, с прославленными ветеранами ленинградского рабочего класса. Торжественное вручение наград. Ну, и, конечно, большой концерт мастеров искусств, танцы, песни.

Допоздна веселились ребята с разных концов страны в сверкающем зале и маршом звали старинного дворца. Перезнакомились, подружилось, обменялись адресами. Наверное, это тоже входило в программу досуга «ближние. И очень хорошо.

ПОЧЕМУ НЕ БЫЛО ПОБЕЖДЕННЫМ

На другой день начала работать школа передового опыта молодых токарей страны. По широте программы это действительно было нечто необычное. Судите сами: первая лекция — «Науко-техническая революция и ее социальные последствия. За ней — «Основа НОТ», «Вопросы промышленной эстетики», «Перспективы развития станостроения и роли токаря-инженера», и доклад о современных режущих инструментах и обмен опытом. Но хорошо, что с самого начала с ребятами был нечет разговор о развитии и о развитии профессиональной культуры.

Мне хочется поговорить об отдельных конкурсах, о коэффициентах полезности действия.

Согласно, ведь это действительно здорово, что первое место в турнире молодых токарей всей нашей страны занял парень из Хабаровска Нелли Витольдовна Кострова! Но, а далеко от всех признанных промышленных столиц города. Невольно еще раз хочется сказать о распространении прогресса и о развитии профессиональной культуры на всю нашу страну.

Явление, конечно, радостное. И мне кажется, что тут сыграли свою роль и конкурсы по профессии. Это в них особенно привлекает молодежь! Может быть, все-таки романтика, о которой так неслабо сказала мне Нелли Витольдовна Кострова? И если это так, если удачно в строки «...мастерства рабочего человека внести элемент романтики, это то прекрасно. Она, как признанная движущая сила, непременно и обязательно придет к себе здесь. Впрочем, уже проявляет.

Вот несколько интересных цифр. В Москве в 1967 году соревнования на звание «Лучший молодой рабочий» охватили 30 тысяч молодежи. В прошлом году — уже 105 тысяч, а в нынешнем — 160 тысяч. И еще: сейчас в стране из каждой тысячи токарей почти три четверти — молодые не старше 28 лет. Вот и делайте выводы, что могут дать конкурсы как одна из массовых форм совершенствования мастеров.

Вот что говорил Владимир Рудкович, наш Горьковский механический завод:

— Конечно, конкурс — это очень интересно! Но нем мы узнаем самое новое в теории токарного дела, а также в практике. Сейчас многие молодые рабочие с десталинской — осваивать теорию легче. Но есть чему нам поучиться у и старших. Они, конечно, сделали огромный, упорством, характером, в общем.

Вот вам несколько мнений. Хочется добавить только одно. Пусть всегда такие конкурсы проводятся в больших городах, но образцовые предприятия, где так что посмотреть, пережить. В этом смысле ленинградский Адмиралтейский очень по-нарядам ребята.

Закончился этот необыкновенный чемпионат, в котором выиграли практически все. В последний день гости бродили по Ленинграду, любовались его дворцами и мостами, памятниками и золотыми садами, старыми улицами, с шутками, с общими нами на следующем конкурсе «разделять» с нынешними победителями.

И верится, он, этот будущий конкурс, соберет еще больше молодых токарных горьковостроителей, и мастерство их будет еще выше!

есть у меня друг...

Владимир БЕЛОВ

РАСКАЗ

Я всегда завидовал людям, у которых бессоница. Человек получает великолепный подарок: тишину ночи, лунную дорожку на паржете, сбавляющую темп качающихся ветвей, а если повезет, то аккомпанементом служит легкий цокот западающих каблучков.

Тишина. Можно фантазировать и творить, размышлять над философскими проблемами и готовиться к контрольной по дифференциальному или интегральному исчислению, которую когда-нибудь встретишь. Хорошо, что существует бессоница, только она не посещает военно-морские училища. Недаром говорят: «Дайте курсанту точку опоры, и он заснет».

Курсантские сформы... Мне почему-то нравятся про жизнь, которая как адмиралтейский шпиль, — сверху блеск, внутри пусто, идет на конус и кончается кораблем.

Когда лежишь в московском госпитале — эдакое не слишком веселое продолжение отпуска — вспомнить Ленинград особенно приятно.

Я сразу представляю себе позолоченный шпиль над зданием Адмиралтейства, ажурный корабль на конце и то, как перед увольнением мы драим бланк и пуганцы маленькими цветочками. Выражение «внутри пусто» — это качество, мы любя погрязать своей зрелищной девочке фляжка и консерватории. А разговор про то, что «жизнь пошла на конус», не слишком ясен, раньше мне казалось, что есть в нем что-то дикое, а теперь вижу жалкое рассуждение. Но оно и нужно сейчас, потому что жизнь у меня пошла на конус и вперед, ая кончится кораблем.

Уже третий месяц и в госпитале, позам операция, впереди комиссия, там и репат, годен ли курсант для дальнейшего прохождения службы.

Вот и ворочаюсь я на широкой кровати, и меня не радует ни тишина, ни лунная дорожка на паржете, ни то, как мечутся за окном осенние ветви клена.

Зыбкую тишину прерывает выстремленный стон, приглушенный звонок, кто-то зовет сестру, рядом жалобно всхликает во сна капитан первого ранга Турбинов. У него кланья в почках, и утром он хохочет, находя под одеялом сомнамный булмашкин. Кажется, иногда он сам подкалывает его, чтобы день начинался весело. А сейчас Турбинов поставляет беспомощно. И от этого становится так грустно и одиноко, что хоть письма пиши.

Рисунки Владимира ЮДИНА

Писать надо Севке. Но от него давно нет никаких вестей, и, видно, моя туг вина.

Сначала с периодичностью хорошо отлаженного механизма почти три раза в неделю присылал аккуратные треугольники, а я все не отвечал и не отвечал. Не люблю я и умею писать. Бурдье был тогда в настрове. Но вот два раза на попкура, и я как-то целую попкура. Написал, запечатал, отправил. И тут как отрезало... С той поры прошло около месяца, а от Севки ничего нет.

На сей счет вчерашняя мудрость сообщает свое довольно густое мнение: «С тех пор, как севки начал Бурдье был лодок в стартину, все наперед знала. Впрочем, зря мудрость древних, и так все было ясно, ведь есть у Севки любимая поговорочка: «А что к этому было имать?» Расчетливый расчет механика. Заранее знает, что к чему. Правда, когда расчетам нужно было решать задачи, они сварили суда и решали по звездочкам. Ничего не имея ни обобщен, и капризно на правах болтовни. И, конечно, не прав ведь, если вспомнить, то существовала не только несприятная поговорочка...

Мы стояли рядом в створе, спали на двуспальной койке, вместе в нарядах и в улововниках. Мы нередко даже влокались в подруг. Наши имена и фамилии начинаются на одинаковые буквы, и ребята для краткости называли нас: «В квадрат. В квадрат». Иногда мне кажется, что они рассматривают нас как одного индивидуума: с разными свойствами характера. Предпочитаем, готовящие из нас морских инженеров, отдавать не склонны повторять эту ошибку.

Курсант Всеволод Басков, в просторечии—Севка, идеальный курсант, дисциплинированный и учится настолько отлажено, что гарантировал даже от случайных четверок. Биле на экзамене, он так изложил материал, что сразу ему подал раздел, о котором он вообще ничего не слышал. Вытащил соседний билет, я попал в аналогичное положение. Видно, стояли мы в карауле, когда читались эти лекции, поначалу поленился переписать лекции, потом забрал. И вот результат. Мне выдано уже, как пара разок, несколько экземпляров записей, приговоров, присутствие в ведомости. И дескать, дельта отпустила Баскову голубым металлом к форточке, дышащей порком. Десять дельта отпустила расторопился в снежной крувогетри, хозинженерной за окном.

На мтговение прикрываю глаза, чтобы избежать грозное видение, и подаю докладному по классу знак SOS. Он мтговенно реагирует, что у меня нкуда не годный мек, и на глазах внемательных экзаменаторов дает новый белый парамельшенц, с одного края аккуратно завернутый в шаргалку.

Шаргалка отличная! Я старательно переписываю ее на доску, но особенно интереса это не приносит.

Вочная история, когда у меня в руках шаргалка, я начисто перестаю соображать.

Капитан первого рапа смотрит на меня с сожалением и наконец выводит спасительный «а!»

Севка стоит уже два часа, ходит, думает, шипит, на вопросы экзаменатора корректно отвечает: «Еще не готов». Доска сейчас доминирует почти беспрерывно стучат. Наконец Севка начинает отвечать, и тут выясняется, что он сделал удивительно неожиданный, но собственный вывод относительно сложной теоремы, что все ладно, и решение в ведомости.

Капитан и в наивном мне и будущем первокурсником поставка Севке «отлично». И потом, очевидно, хвалила Севку, беседуя с начальником факультета. Во всяком случае, отчитывая «академиком», ребит, получивших двойки, тут прозвонил:

В конце вечера, если вы хотите, можете вообще не готовиться к экзаменам и на самоподготовку играть в лото, но будьте добры, соображайте так же, как курсант Басков.

Сия история постепенно обрывает легендарными подробностями. На других факультетах удирно рассказывают, что начальник училища обвалил курсанту Басковитеру за мужество и находчивость, проваленные на экзамене. Дней пять в столовой на Севку показывали плащамы. Рота была довольно так, словно каждый из нас, если потребуется, даст собственной выдумке теоремы. И в этот была дала правам, пожалуй, мы стали свободнее чувствовать себя у доски, рассуждая: если не знаю, то соображу. И бывало, соображали.

Через год первокурсники уже рассказывают историю о гениальном курсанте: тот стоял в карауле и пропускал лекцию, а потом на экзамене выдал такую теорему, что все ладно. Это, конечно, соображал бы и студент, но теорема оказалась настолько важной, что ее засекретили, а курсанта вызвали в Москву. Это рассказывали единодушно. А дальше имела дла толокнения. Первое: курсанта вызвали в Москву к академику Коломогорову, и курсант с годом, разумеется, по специальному разрешению, защитил кандидатскую диссертацию.

Второе: курсанта вызвали в генеральный штаб, присвоили звание старшего лейтенанта, и он выполняет теперь при геитшате здания особой важности.

Третье: курсант перешел не разубаждив, поначалу слушам, подрунчил на д, ними, а потом сами наполняют поварам, что такое хоть и не произошло, но могло бы произойти в а в н е училище.

Но легенда эта к Севке никакого отношения уже не имела и существовала как курсантская сказка, а Севка оставался самым объективным членом всех своих классов, нормальным курсантом, а Игорь старшим настоятелем, что способен ради отлаженного задания не пойти в увольнение. Он так же, как Севка, дисциплинирован и четок в исполнении всех поставших правду, но после отбоя заправляет в альбоме, чтобы еще раз удостоверившись, что курсант действительно выполняет, но как экзамен он отражает в нашей руке не нашлось. И все-таки он молодец, утверждая с позиций нормального посредственного курсанта, который во время лекции

ций по сопоруту способен глотать рассказы Огтени и ашь перед экзаменами начинать шутки.

Сессия! На самоподготовке в классе стоит непрекращающаяся тишина. Только у нашего стола периодически рекают конусообразные лампы. Больше или меньше операционной. Поодок курсант, отчеркивает на полях конспекта несвязный раздел. Севкин карандаш вычерчивает на бумаге объяснение, приоткрывавшаяся у «чповертов» доказательства, слышно спрашивая: «Понятнее? Кивок головам, и карандаш торопится дальше. Малаи конспекта хитростью концы связываются, и черепешки расщепляются для меня диаграмму напряжений и объясняет тайны теоретической механики. Занятия у нас в нем идут и после ужина, за счет свободного времени курсанта. Но за день мы проходим такое количество материала, что наступит момент, когда я перестаю соображать, и тут Всеволод выхватывает:

— В семестре на лекциях нужно учиться на морского инженера, а не читать черт-те.

Но «черт-те ты имеешь в виду художественную литературу? Офитершота рослетел, но если отсюда отгалгисать высокой культуры, может, не будем нарушать традицию?

— Офицеры флота российского всегда отгалгисали великолепным знанием своей профессии, что тоже не последняя элемент культуры, так что, может, в самом деле не будем нарушать традиции. Курсанты голова дана не только для того, чтобы ашь носить «агланитную», а точнее, неуставную бескозырку...

В принципе я с Севкой согласен и даже сам соглашаюсь, для чего дана курсанту голова, и потому уже не спорю да и не слушаю нотацию, а вспоминаю историю с Севского, который продал нашим бескозыркам нечто от своего индивидуальности, подгонев бумажки и переписав кейси,— в общем, делая все, чтобы превратить вечерних «салга в агих морсавном. Честно говоря, старик занимает меня больше, чем теоретическая механика. Он любит море и дельты. Я придушиваю ему фантастическую историю и рассказываю, что он колит, чтобы купить ахту и по какому-нибудь удивительному маршруту уйти в свое последнее плавание. Я понимаю, что почти наверняка дела обстоит совсем не так, но мне жалко разставаться с придуманным стариком и, желая поддержать, спрашиваю невольно:

— Саунай, может быть, старик копил дельты на ахту?

— Какой старик!— удивленно спрашивает Всеволод.

— Тот, что переписывае тебе бескозырку,— напоминаю невинно.

— Ладно, бескозырку мы перешили вместе, ахт— это хорошо, но при чем здесь ахт! И главное, голова курсанту дана все-таки для того, чтобы...

На пустае ветер устраивает микротайфун, оно тапнуло перед училищем, придерживая пальчиками белые юботки. Сессия стихает, как ветер, но и так будто не стихла. Огтерш проклад, как сплавившиеся быстрое и реальное. И вот опять наряды и лекции. Лекции и наряды, а в конце недели— увольнение, и мы уезжаем танцевать на другой конец города. И длиноюнае десятиклассники приглашают Севку заберебной и пелучтас мейбой пробко, то что, ему на ресера, мейбой не может быть, но как минимум, он курчавый молодой человек, который превращается в корону—кором школьного учителя. А одна дельца смотрит так, что всем ребитам вокруг становится завидно, но, взглянув на часы, Севка говорит железное «пора», и мы прибываем в училище за немцы пятнадцать минут до того, как увольнение.

Право, если бы и верил, что, незирава на атеистическую пропаганду, существуют на свете ангелы, то заподирю бы, что один из них темной ночью «увел» у дельтального старшины курсантскую форму и теперь молоток окружающим головам. Продолавший, черная, пухотытая шапка, смутные, не ангельские скулы, выгнанные вперед, разалащавый, чуть вздернутый нос— в общем, далеко не ангельское лицо.— это просто отступление от традиции, если хотеть, специфика работы, поскольку всем известно, что курсанты не ангелы.

Теперь я пишу слашшою алфавитом, но хотя все правильно делает Всеволод, иногда меня тоинит от такой абсолютной правильности.

Когда человек за два года умудряется не получать ничего, кроме пятерок, это начинает подавлять, как однообразная пустыня. Хотя, конечно, это хорошо. Хорошо, если он выдержит так еще один семестр и будет способен осуществлять. Ведь в тому же он не имеет ни одного высказанья. Зато он не раз होता добрый строем, когда обваливались благодарности: «За отлаченную учебу и образцовое поведение...»

Но недавно, порою перед отпуском, мы на пару получим высказание, но не очевидно, что за что. А в августе, когда мы были уже, но не удавалось в рамках отпуса. Зарабатывали мы его долго и упорно, пока не ашнулу терпение у нашего капитана второго рапа. Вот как это произошло...

Этим летом кафедра металловедения наложилла на нас свою железнотугеродитую алапу. Им было мекло, что, даже вкочии по тревге, мы бы, наверное, могли наизусть выпалить все по различным состояниям сплавов.

«Перлит» и «аустенит» вошли в наш лексикон наряду с другими, часто употребляемыми словами.

Лучше им, хуже им мы дали экзакан, но, сдав его, были творчески удивлены, что минимум до будущего года наши счета с металловедением окочивены, теперь нас ждут корабы и причалы... Но не тут-то было. Нам, «великим морсавнам», вместо пеленаторов и бурного моря послужили гоудиромити завады.

Впрочем, как известно, наука имеет много «гитки». Что такое «гитки», или Дайи, ни словарь иностранных слов не знает, однако все понимаем, что всякое положение имеет свои плюские и хорошие стороны. Будем считать, что курсанты завады стараются так, чтобы не портить, а так же неважное настроение, буду лучше вспомнить один пассаж...

Надо же хоть что-нибудь взмалезть из бессонницы...

Странно, но сейчас мне кажется, что минулось вообще не было. Теперь все стало хороним. И подъем в пять утра и марш-бросок к спальному забрызганному трамваям. И вся дорога на другой конец города! Сон в

¹ Капитан первого рапа.

длинных скамеек. Проспекты за безупречными окнами. Работа формовочных машин у прокатных станов, запах оловяных ваток, мгновенно сторающих на явном полете легитимного стального листа. Были хороши и красивые уголки шахт, где мы сажали и чтили живые огни и резались в бальсарах. И еще существовала золотоловная Луся на кислородной станции, за ней ужасная вьес наш взвод. А она разрешала нам смотреть, как кипит в стакане голубое море жидкого кислорода и по краям вырастают снежные веретя. И можно было на мгновение опустить тула палец и даже не почувствовать холода.

Странно, почему я так мало ценил это всё? Ведь была же жизнь, а спальные паласы!

Лето стояло знойное, и, бывало, безупречным строем чуть-чуть вразвалочку мы шествовали к широкому каналу. Форсирован канал по проходу, мы снова, выстроив ряды, шагали к санитам посмотреть на спуск корабля или просто-напросто искупаться и позавтракать.

Вода была ароматная и холодная, лугунки сдерживало с риском и, видно, попутно доставала нам великое удовольствие. Единственные, кто изредка портил нам настроение, был руководитель практики капитан второго ранга Чупылов и девушки на мостовых краях. Нагови капитана второго ранга мы воспринимали как неизбежное явление природы, а вот девушки действовали нам на нервы.

Вообще, очевидно, всем девушкам свойственно желание выступать на сцене, неважно в театральные и киношные институты университетского контингента. Тула попадает не все. Зато allora девушка покупает себе туфельки, босоножки и хомолы, лугунки, индивидуальную сцену. Чем выше каблуки, тем она больше воображает, по каблуку не идут ни в какое сравнение с мостовым краем.

Девочка получает в свое распоряжение спину, которая плавает у зрителей над головой. Одно плохо: зрители заняты работой и редко смотрят. Однако если переждать ролевая амплуажная корка на курортские береты да еще, перекрыв расстояние и шум кика, разговорить с подружками, которые работают внизу, на своих индивидуальных спинах, то можно добиться потрясающего внимания.

Но у лестницы, ведущей на мостовой край, надлежит: «Взвод строго воспрещено».

Краем скользят себе над цехом, перенося огромные тяжести с небрежностью слювенка. В кабинках, полужоких на птичку гнезда, девушки выбегают весело и непринужденно. Наше мужское достоинство и мальчишеское любопытство уязвлено. Нам хочется управлять этой громадиной.

Но поборуй подняться на край!.. То, ты, ты сразу на глазах всего цеха, и неприятностей не оберешься.

Мы однажды пробовали освятить автокраны, и только скорость, с которой промчался по цеху, и разное решение бросить их сразу же за воротами спасли нас от мгноной неприятности. Ходная служба, что мастер поклялся по-новому рассчитать с камином-то морщикам, перевернувшись ему все बीचю со стружкой. К счастью, он не знал, с кем ему эти счеты полагается сводить.

Впервые с тех пор я над бед присмотрел, а как полагал на мостовой край при невыпешенной ситуации? Неожиданно рядом с литейной мы обнаружили этукую залу — гигантские буферки с песком, формовочной землей и прочим компонентами. А над этим упорядоченным хаосом спокойно жила и работала вода, которая проходила через востальные дни там было прохладно и пустынно, платформи тут выведены длинными скамеечками. Край стопа, мотыги и покорный.

Мы делили по скобам, амвотированным в серую стень, потом пара акробатических трюсов над буферками — и мы в кабине.

Краем оказалась гудящая, как алмаз, и упрямая, как все шипаи мира. Пять дней мы обжигивали его. Причем каждый по-своему. Севка шел вперед и медленно, но верно завоевывал позицию. Я надеялся на дождно-вешье.

Вообще управлять краем в летать раз труднее, чем трамваем. Во-первых, у него вместо одного три контроллера, и, во-вторых, никто действительно ими одновременно, да еще в хороним темпе. Вот кому враздается в гору песька на платформе, сжимаются его стальные челюсти, и он ползает вперед, а краем в это время уже летит в буферку.

Так тоже, как и в трамвае, когда приходится везти, и уверен, что был на грани успеха, когда краем в размаху развернул в стень. Бешено завертелось ковчег, грузивший песьком, скручивая стволы в стальной тугой, сыпавшу искры, везущую провода. Краем обжигено крикнул и замер.

Мы с Шивалом, когда в кабине, как и раньше, услышали провода на ролик, раскручивали стволы собственнотрутенной тула. Наконец краем внешне ста вав выдвигал вперед прилично. Севка тронула ручки контроллеров. Разжались стальные челюсти, рухнула вьес песька. Краем ожив и мягко поехал на свое место. Я взял шабру на карулу.

Что мы там делаем, товарищи курателы! — раздался голос, насмешливый голос нашего руководителя практики.

И распоряжен поставил шабру к ноге. Севсомод четко доложил:

— Морского порядка в кабине не наблюдается, так мы его навели, то варьин капитан второго ранга.

А потом мы молча гулем с товарищем капитаном второго ранга по территории завода, приглядывая, то что нам обойдется этот «порядок». Наконец слышим:

— Навый, значить?
— Так точно.
— Вечером, после обеда, чтобы гаммоны на вашем этаже бьестали.
— Есты! — ответили мы, пожелав, чересту ввесою, считая, что отдалились Адево. Он окликал нас испуганным взглядом.

Этот — чтобы усть ввесою, по порядку. Любопытно, в прокатном дворе морщикам сказали, что собирается поступать на завод. Неделю работали на автомостовом стане и истеали, когда их уже собирались заключить в бригаду. По механическому на автокран прочлилась два кандидата в морского рода.

Мы молчали, общая разговаривая призываю, да и неприятно, когда оказывается, что начальство знает о тебе намного больше, чем хотелось бы.

— А вас вот потянуло к чистоте. Интересно, какие бауат еще сооризируют? Ладо, надте, о дальнейшем узнаете период.

На вечерней поверке нас поставили перед строем, и командир роты, окликав нас скрепящим взглядом, сформулировал, что нам с Севкой вместе находиться на территории завода воспрещается.

И оказалось, что практика сразу стала скучной, и вообще лучшие бы стукот десять без берега. А теперь он не шипет. Вот просто так не шипет. Итого, него не возмужу, у него всегда все в порядке. В силу своей активности он здорово приключается и очужающейся сраме. Неважно он так нравится командирам и родителям знакомым с нами девочку. Хотя отдадим было не совсем так.

Товарищ Гиточка влюбился в Севку по уши и проде бы не был знаком, но у Севки, наверное, не любима. А Гиточка ждаивнее гуляла вдоль трамвайной линии, которая вьес к ученику. Об этом знал все подруги и родители всех подруг.

Обычно мы собирались у Ольги, у нее была длинная коса, большая квадратная грудь и красивые родители.

Севка заступил в парад, и приехал к Ольге один. Рита уже вышла на карулу, а тот тоже разочарован. — Забедем она кырмав вьес. — Ты не любишь мисой! — заболтовало спросила Олина мама.

— Да...
— Ты не любишь рыбки! — через некоторое время тревожно спросила Олина бабушка.

— Да...
— Она любит Севку, потому что он ни рыба ни мясо, — рассердилась Олимпиада.

Может, в чем-то он прав. Меся он иногда томилет белаяжа Севкина идеальность.

А вообще, если о друге скажам худо и ты повторяешь, пусть даже про себя, то плох ты, а не он. И когда не приходит письма, наверное, что виноват. А для нас, правда, как то телефонки, телеграммы, темп жизни и прочее. А Севка есты, каидальным так идеальным, извешего, его тоже не слишком устраивает мой разбор и непоследовательность рассуждений и поступков.

За двоерю промолкнула тетя. Женщина с высокой прической. Я знаю ее: это жена капитана первого ранга, у нее грустная улыбка, а она всегда утешает меня шоколадом, как будто я совсем маленьким. На фото по капитана первого ранга рассказывают легенды. Он был воином в историко войнцы. А для нас, правда, он просто большой мужик, которого застря в черт верный раз после войны повезут на операцию. Четвертая ампутация ступни... Поздней маломальство отсека в подводяной лодке, которая, пригнужив на грузе, жед, когда в научных радиоуктака зарабатывает винты не менеем, чем профессор. А профессора все нет и нет, и уже немы думать, и кружится голова, и хочется спать, но ямаря было везишущим. И молодецкий лейтенант уронил голову на крышку торпедного аппарата.

Завтра же, опостаревшего и погужившего, повезут из операционной, и под белым простынем будут куалятинки без ступиней. А врач будет курить, гоня покурочку поспасательного голодающего, о спонтанной гамтере и о том, что была война... И хотя она была давным-давно, я постигаю ту элементарную истину, что нет мирных госпиталей. И все, что происходит со мной, уже не кажется чересту важным...

Олина стала бядо-сервиль. Веки медленно спускаются кably. Скользю стень с алмаза, как и раньше, но теперь уже женщины в парадной прической. И мне снится, как я подхожу, глажу ее по голове и объясняю, что это самая последняя операция и что больше операций не будет. И мы сходим и едим шоколадку, разможнуем пополам, и она улыбается мне сквозь слезы.

Утром из белой операционной вывезли тележку, и женщина с высокой прической шла рядом и улыбалась капитану первого ранга, который был сейчас просто больным, и он улыбался ей в ответ и что-то говорил шутливо, и казалось, что ничего страшного с ним не произошло, и, наверное, так и было потому, что они оба улыбались. А потом привнесли письма, и я получил знакомый треугольник со штампом «Матросское письмо, подписанное аккуратным Севкиным почерком».

Масса новостей! Взял замплатот ска капитаном третьего ранга, теория вернеем, Севка был действительнеем интересующий наукой. Еще он случайно встретил Ольгу, и она опять чамь расстраивалась его обо мне, перодала всякие приветы, словно мы с ней и не сорились, а в конце несколько строк:

«Извини, что долго не писал. Вспомнил статистику факультета был пленен и многих ребят вычеркнул из списка на увольнение. А я полагаю от тебе писало, потом заступила в парад. Работала холдай грустные и неприятные. А и прочитало твое писало, обрадовался и умоляю из ввесою вьес дежурного по роте. Ступули мне втужу тридцать стукот без берега. Не хотев тебе сеочарть, вот и не писал. Секонда вышла в гору. Тебе не надоело там бездельничать? Возвращайся скорей».

Безоволод.

Писмо, самое, как улыбка женщины у операционной. Отпустили все? Черт знает что такое! Персональная стипендия ухула, да за это он мог вообще зареветь из ученица...

И это Севка, человек четкий, обдуманных поступков... И как только все поучились! Ввесою мы действительнеем интересующий наукой. Еще он случайно в классе за одним столом и вместе в увольнении, выгнурал друг друга из разных неприятных историй, и вдруг оказалось, я его совсем не знаю.

У меня впереди комиссия. Там шипет, голем ли курсант для дальнейшего продолжения службы, но мы теперь не странно. Наверное, всегда не странно, когда где-то тебе любого журу с улыбкой.

А с Севкой мы, наверное, если будем сорганист и мириться, поговинать и не поговинать друг друга, только если отступя-шпильбу, уж, пуский из Польшного и из Петропавловска-на-Камчатке. Долго ли тут будет, а я все равно буду знать, что это рожею ничего не значит. Просто ярая такое — все больше телефоны да telegramмы.

“ДЛЯ МЕНЯ ОБРАЗИОМ БЫЛ ЛЕНИН”

С Маршалом Советского Союза
Семеном Михайловичем БУДЕННЫМ
беседует корреспондент «Смены»
Александр Золототрубов

Семен Михайлович Буденный.

Фото 20-х годов. Из личного архива маршала.

Всего 86 лет Семен Михайлович крепким, памятливым, в добрых, по-детски лучистых глазах блестят искорки — как в молодости, когда ковыли свои конные поляны на врагов. А усы? Такие усы только у одного Буденного. Причём поирувача их, маршала вспоминал, как осенью 1929 года его, большого, навестил Михаил Иванович Калинин. Буденный в то утро не успел поспиритизироваться и Калинин в шутку сказал: «Ай да попомоводцы зарос щетиной, ай! Буденный поспешно сказал: «И, нахается, сейчас не только щетину сберию, но и усы». Михаил Иванович и не рад бы, что зател такой разговор про усы. Дарит и вправду сбриет, что тогда? — Усы, Семен Михайлович, не твои — серьёзно сказала Калинин. — Усы принадлежат народу. Без усов нет Буденного...»

Семен Михайлович на вину задумался.

— Так вот о моей жизни. Горькой была жизнь батрака...
Сначала о родословной Буденных. После отмены крепостного права дед мой с тремя мальчиками — в их числе был и двуклетьный Михаил — мой будущий отец — перебрался на Воронежской губернии на Дон в поисках лучшей жизни. Но и

«Наш Буденный сейчас, наверное, считается самым блестящим кавалерийским начальником в мире. Вы, конечно, знаете, что он — крестьянский парень. Как и солдаты французской революционной армии, он нес маршальский жезл в своем ранце, в данном случае — в сумке своего седла. Он обладает замечательным стратегическим инстинктом. Он отважен до сумасбродства, до безумной дерзости. Он разделяет со своими кавалеристами все самые жестокие лишения и самые тяжелые опасности. За него они готовы дать раздробить себя на части. Он один заменяет нам целые эскадроны...»

Из беседы В. И. Ленина
с Кларой Цеткин.
Осень 1920 года.

здесь ему пришлось хлебнуть горя, ибо пришлых, мля, как их называли, инородных, казаки не больно жаловали. Казачьи атамань дравли в три шкуры с инородными: за корову — налог; за овец — налог; даже за курочку — налог! Отец мой, как и дед, всю жизнь батрачил, кончал по Дону на станции в станцию в поисках работы. Женившись, обосновался на хуторе Козюрин, недалеко от станции Платовской. На этом хуторе в 1883 году я и родился. В школу ходить не мог, потому что девятилетнего определили к купцу Ячмину. Днём был на побегушках у хозяина, а вечером мыл грязные полы магазина. А учиться о как хотелось! Позвело мне на хозяйского приказчика, однажды, — я научу тебя писать и читать, а за это ты, Семка, будешь убирать мою комнату, чистить обувь, мыть посуду. Словом, будешь мой прислугой. Согласен? А что делать? Согласился. После работы я оставался в кунице и при свете керанди учил уроки. Чтобы не уснуть от усталости, становился коленями на груды

угля в кунице или окатывал себя холодной водой... Осенью 1903 года меня призывали в армию, а в 1919 году стал членом большевистской партии.

Это было в то время, когда создавалась Первая Конная армия. 5 декабря 1919 года ночью в Белино-Михайловку приехали Сталин, Егоров, Ворошилов и Щадрино. А утром следующего дня состоялось первое заседание Революционного Комитета. После совещания Буденный провёл Сталина на отведенную ему квартиру. Сталин вдруг спросил его:

— А вы член партии?

— Я коммунист, нет.

— Почему?

Буденный ответил, что большевиком считает себя давно, примерно с августа 1917 года, когда в Минске выполнил задание фронтовой партийной организации большевиком, под руководством М. В. Фрунзе разрушил «дикую» диктанку в Орше.

— За дело революции, — сказал он, — я готов жизнь свою отдать, если потребуется.

— Сталин улыбнулся. Внимательно выслушав Буденного, он сказал:

— Все, что вы делали, действительно партийное дело, наша большевистская работа. Надо было по-дальнейшему в партийную организацию, под ру-

«Ты леги с дороги, птица, смерть с дороги уходи...» Кто не знает слов песни о буденновской тачанке, ставшей одним из символов наших воинов в гражданской войне! Теперь в стези под Кавказом стоят выметенные тачанки — боевой коллектив Героя Кавказа.

Фото Владимира ЧЕНШВИЛИ

новодство которой вы работали. Почему же вы этого не сделали?

Семен Михайлович ответил, что события развивались быстро и просто не было времени на соблюдение всех формальностей. А потом как-то не получалось, хотя он и стремился вселиться в партию и не раз подавал заявления в Политуправление 19-й армии. Возможно, товарища некогда было разобраться с ним, поскольку время горичнее. В подтверждение своих слов Буденный позвал Сталина копию одного из заявлений в Политуправление 19-й армии, датированное 19 марта 1919 года.

— Да, нехорошо быть командиром беспартийным, — заметил Сталин. — Я поставлю этот вопрос на предстоящем заседании Революционного Комитета. Вам легче будет командовать, когда вы будете коммунистом и в полную меру используете себе в помощь силу и влияние партийных организаций.

Вечером, после обсуждения задан Комарни, Сталин поставил вопрос о приеме Буденного в партию. Было решено считать его членом РП(б) с 19 марта 1919 года, то есть с момента подачи последнего заявления. Рекомендовали Семена Михайловича Сталин, Ворошилов и Щаденко.

— НЕОБЫЧНЫЙ ПРИЕМ В ПАРТИЮ

— Да, конечно, — согласился Буденный. — Я гор-

жусь, что вот уже полвека принадлежу к партии Ленина, своим клинком расписавшись за идеи партии, и нет для меня большей чести, чем носить высокое звание коммуниста.

— **ВЫ ЛЮБИТЕ СЛАВУ?** — спрашиваю маршала.

— Нет, не люблю. Слава отравляет, как яд. Когда человек начинает думать о славе, он теряет над собой контроль, делает первый шаг к своему моральному падению.

У Ленина, как известно, величайшие заслуги перед мировым пролетариатом, но он никогда не говорил о это сделал. Он говорил: мы это сделали — партия и народ. Помните, что настоятельно требовал от молодежи Владимир Ильич! Доказывать свою коммунистическую убежденность каждым практическим шагом. Очень это хорошо — иметь цель в жизни и сознавать свою роль в общем строю. Ничего тогда всякие трудности, никакие преграды! Мне вспоминается сын бедняка крестьянина, молодой парнишка Григорий Пявнев. Было ему в первые дни вооружен-

ной борьбы с белоохранительными войсками лет шестнадцать. Пришел он ко мне в отряд и попросился в кавалеристы. Но я отказал ему — не было у паренка ни коня, ни шапки. Поэтому посоветовал ему идти в пехоту. Григорий ушел от меня огорченный, но через два дня снова явился — на этот раз на отличной лошади, при полном вооружении. Добыл у белоназков.

— Ну, — говорит, — принимайте меня в кавалерию. И конь подо мной справный, и шапка есть.

— Это еще не все, — отвечаю. — Рубить ты еще не умеешь.

— Да ведь я, Семен Михайлович, — бойко паррирует паренек, — когда-то и кашу есть не умел... Вот увидите, научусь я саблей владеть. А силена у меня есть!

Взял в отряд паренка. И не ошибся в нем — Пявнев вскоре стал ликим рубовой, отличным командиром, вырос до командира полка... Один ли Пявнев был таким! Тысячи парней просились принять их в кавалеристы. Правда чем принять добровольцев, я говорил им, что служу у нас

Владимир ДЕМИДОВ

Родина

Родину,
Как мать,
Не выбираю.
Велика она
Или бедна,
Чашу мук осуша до дна,
За нее безжалостно умирают.
Родину,
Как мать,
Не выбираю,
Потому что Родина одна.

Я не забуду, как горят хлеба:
Неуротный в росте,
Трещит колосся —
Так ломают кости,
И зерен беззастыдливая палба.
Я не забуду, как горят хлеба.

Скорюница несметные храни,
Задла была от солнца золотая
И задохнулась,
Жирный дым глотая,
И сразу похерилась от огня.
Я не забуду, как горят хлеба...

Под осень улетают птицы,
А он в любые холода
Родной земли своей границы
Не покидает никогда.

С весною птицы возвращаются,
Он вернется в край отцов
В любви и нежности пожелать,
Пушистых вывести птенцов.

В тепле оплакивая потери
И спать песней всех людей.
Но только он им не поверит:
Они ведь снова улетят.

Развязало небо
Звездный кул,
Засевает пашни голубые...
Может, звезды,
Вы красны от пуга,
Отсвиставши на полях России
Сильно вас,
Как много лет назад,
Озарят дымчатое поле...
Может, вы не звезды,
А глаза,
Что когда-то меркли здесь от
боли!

Враги

Не на глобусе ужо,
Не на экране —
Шар земной гудит
Под сердцем у жителя.
Это я сегодня ранен во
Вьетнаме
В мальчугане,
Поседавшем от огня.
Тогда мне ужо, наверное, не
касаться
Глаз любимой,
Смоляных ей волос.
И мон зрачки в глазах

доминиканца
Расширяет древней пытьюю
Господа убийцы, сеющие
пламя,
Нашу правду не поставит вам
К стене,
Если вы меня убьете
Во Вьетнаме,
Разве я не поднимусь
В другой стране!
Я — на юность
Всей планеты.
И не горы, не моря —
Разделяют нас
Парижская коммуна,
Разделяют
Берриакды Октября.
Мы стоим непримиримыми
врагами.
Все сильнее шатает время
Вашу власть.
И горит шапел под вашими
ногами,
Где хоть капля моей крови
пролилась.

Ты скорей заркой глаза, и мы уедем,
Затерялся на несколько минут
В снежном городе, где белые
медведи,
На охотников не жалуюсь, живучи.
Там по небу разметала белы косы
Краснощечная полярная метель,
И мороженое дарят эскимосы
Всем приехавшим за тридцать
земель.
В этом городе, конечно, не от льнов,
А, наверное, соблюдая свой обряд,
Провинавшихся не ставят на колени
И о мужестве негромко говорят,
Можно просто промолчать и не
замечать.

Можно сердце обморозить навсегда.
Мы оттуда возвратимся на рассвете
И забудем все другие города.

ПЕРВАЯ
ВСТРЕЧА
ПОСТОМ

Игоря Салтыкова — молодой московский поэт. Его стихи принимаются искренностью и тонкостью, откровенным равнодушием о жизни, о признании, о долге. Игорь Салтыков знает, чего он хочет от жизни и от поэзии. Гражданственность и чистота светлых чувств молодого поэта не могут не вызывать отклик у читателя.

Выпуск сорок пятого

У выпускного лейтенанта
Не сыта форма под погонами.
У девочки на косых бантах,
У девочки глаза влюбленные.
И зарок молоденого вальса,
Как позабытый детский сон...
Как доверчивые пальцы
На золотом штыке погона.
А лейтенант тенью молоденькой
И все жалеет, что война
Уже окончена, и Родине
Его планка не нужна.
Ему б коснуться бышей бури!
А ведь до бури — пять минут:
Уведет лейтенант в Мамычурью,
А через месяц там убуют...
Земля вокруг пойдет, как

в вальсе,
Как позабытый детский сон,
И чьи-то медленные пальцы
Погладят золото погона.
И на фанерном обелиске
Опять расписаны войны...
А девочка была так близко...
Как жизнь и молодость она!

Неглинная, Неглинная...
Нет на Неглинной глины.
Лишь вынырнул да вынырнул
Брусчатка, словно ниней.
Лишь на коленки именьки
Отлянутся вода,
А этажам синими,
Подземными проливаям
Плывет волнами свывими
Неглинная рена.
Другие ходят голшомом
До Луга, до Твери...
Неглинка, словно Золушка,
Ютится у двора.
И бредит снежными нинею...
И звездами... И соснами...
Оврагами крутыми...
Туманами и росами...
Неглинная, Неглинная,
Как змебка в рукаве...
Девочка с нелепым именьем,
Забывтая в Москве.

ЖИВЫЕ ГОРЫ

Игорь ГОЛЕБЕВСКИЙ,
Вадим ГИЛПЕНРЕЙТЕР (фото)

Красота родной земли

Лесорная дорога на первом взглед лишилась элементарной логики. У подножья дала гнущееся елка и покатилась. Витком провалилась в ямы, она уводит к вершине, отрывая мохлявым глазом туристов восхитительные виды. Дробно гудит, мелеет, обрывается, гонит всех отстоями дала: курчавую желтую редьку заломов, кропеленную черной пещи, темный свои зловост по-ходу черной белым пунктир, хохочит в лето, рожки, обрывается, она замарает на мгновение, чтобы пережить дух и собраться с силами.

Тут, собственно, горная дорога и заканчивается.

Концы асфальта, концы бездумной сигареты, в зубах шифера и восточному движению тоже конец. По камням, ухабам, ямам, сводами хлещет ветки, черед ружья, маня сползает, немощные зубы, пропавшие по кусту, валезинку, латаному месту. В щель, между плавной скалами, концы дороги, вниз, чтобы мерз триста метров, вильнуть от жидкого валуна, тяжело отдалась, поднялась на пятисот метров вверх. Вниз — вперед, вверх — вниз, летел, изгаган, в обход, но только вперед, еще вперед, всегда вперед. Это — ее, занесено — ее логика. Эх, дорога, мать и нечего бедному путнику, начало и конец всему, и нет ничего дороже себя в горду! Сколько спето о горном дороге, сколько сказано, лизы шиферных слов, и лизано достаточно, над обходом, так в изгибе, задрав натуренные колеса, лежат разведенные ржавичон, чертами остова.

Волну приговаривает, прокатывать на руках. Наше глазом, натуренный берет.

*Седые вершины, — стрелы
летящие, дулки облаков
Кто не любит, кто любит
приворот Кюкюла? Ты сме
ешь горам нежить и сердце.
О ты, слезы, слезы, о мой
путь, путь и рассказываю
и ждем томца.*

EX LIBRIS СМЕНЬ

«Экслибрис «Смены» — новая рубрика журнала, которую мы отдаем литературоведам, критикам, известным писателям. Хотим сказать свое слово молодым о литературе молодых, создающих в своих романах, повестях, поэмах образ молодого героя.

«Экслибрис «Смены» — ориентир наших читателей, привлекаем ли мы к себе молодых талантов, добродетель, полезное из огромного числа книг, издаваемых ныне в нашей стране.

Рубрику открывают рецензенты, которые откликнулись на серию книг, издаваемых «Молодой гвардией», «Тебе в дорогу, романтик». И сейчас, в издательстве «Дорога» и сотрудничестве этой книги познакомим молодых читателей с такими романами, которые укажут героическое время становления власти Советов, но и «найти себя», определить свое место в рабочем строе.

Беседа, которую не прервать

Личность самого Михаила Светлова и его неповторимость становится все яснее от повторения тех мыслей, которые мы высказали. Сам он не боялся показаться неоригинальным, один сразу «хитрым» выдался по нескольким раз, другие — не забывай. Но оказалось, что мимолетные встречи таили в себе зачатки вечности, и слушатели записывали особенно полюбившиеся им. Как-то сохранили и стенограммы и газеты. Там выплывают, что у забавных шуток за шуточкой, черту за чертой выражают себя Михаила Арцишевщина Светлова, о чем свидетельствует редкая по своей естественности и чистоте строка.

В предисловии и ней поэт Лев Озеров не столько говорит нас в миг Светлова, сколько насыщает атмосферу своего выступительного слова духом, интонацией, но не забываем о записках. Это так. Это сделано так искусно, что мы сразу же включаемся в поле высокого напряжения души любимого поэта.

Он представлен стихами, взрослыми сказаниями, статьями, рецензиями, выступлениями, записками интимными, афоризмами.

Среди того, чем обогащена «Беседа», нет бес-

ных родственников. Правомочное присутствие всех, и необходимость этой «композиции» доказывает впечатлением, которое по мере чтения все укрепляется в тебе, чтобы остаться надолго, стать нравственной частью твоего существа.

Многие было бы путем «североюжной отбор» создать хрестоматийный образ, благо в каждом сочинении есть такие автографы.

Составители и издатели поступили серьезно и муштуются. Они отчаялись показать нам и интонацию, и настроение поэта так, как он был. И оттого, что так явно прощупываются и его черты личной слабости, сил, его обаяния, лишь возрастает.

В одном из своих афоризмов мы просто «по духу» ждем Михаила Светлова. Заменяет: «...Книжка очень похожа на него самого (самое ценное качество в искусстве)». Это можно сказать и о «Беседе».

Востражение светловской искренности открывает в ней в его первых, вырванных потугами попытках и в его прославленных произведениях.

Универсальная целостность, жажда полноценного

общения с людьми и предельной самоотдачи везд от многих слов «Беседы», от слов, которые еще совсем недавно были бы признаны. И в тот юнг книга несет их всем поколениям и особенно молодым, с которыми у поэта столько общего, что не зря он был и будет любимым собеседником подрастающих и впервые открывающих мир доброты и чуждым братства.

«Обыкновенному человеку стать гением невозможно. Но все равно мы все должны стремиться к этому», — сказал Михаил Светлов. И все его книги — рукописатки, обобщения, обобщения — это творческий взгляд, от которого каждому хочется стать лучше, чище, богаче, чтобы все на колениное отдать людям.

И у этого человека, Михаила Светлова, голос звучит негромко, тронучно, тепло. И так все — от первой до последней строки. Нет, последний строки нет, ее не может быть, потому что эта беседа, которую не прервать.

Борис ДУБРОВИН

Солдат революции

Более сорока лет назад начала своя путь Беляя и Матвеев, геронет Валентина Кино «По ту сторону». Беляя и Матвеев герои не только романа, но и самого удивительного и прекрасного произведения в истории нашей литературы — романа о жизни и смерти Советской республики.

Беляя и Матвеев принадлежали к тому поколению, которое было в начале революции. Оно октября едва минуло четьринадцать, пятнадцать лет. Плавая революцией наветер, они не сдала, оставило их судьбу. Они не мыслили себе иной революции, считали себя мобилизованным и мобилизованным ею. Были левыми, правыми, но краем старой и славы гвардии революционного поколения. Отсюда их удивительная цельность и целеустремленность. Отсюда же их революционная, революционная приподнятость...

Многие считают это романом «По ту сторону» ав-

тобиографичным и что один из его героев — Беляя — прототип самого писателя Валентина Кино. «В 1920 году семнадцатилетний юноша, сын борисогоспелского паровозного машиниста, вступает в ряды Красной Армии. Он идет на фронт в рубку в рубку» идет по жизни. Только вчерта за ним заложена дьявол горного училища, а следовательно, и революция. Беляя — человек, болевший Витом, становился рядовым солдатом революции и в конце концов — командиром — ее творцом.

Витом — организатор и руководитель партизанского отряда, разруки и голода, реквизиции и суббортуете вторую жизнь, но и становится подлинным Антоновским вилком. На польском фронте Витом

становится уже политрумом. Весна 1922 года застает его на Дальнем Востоке. С группой комиссаров он несомненно попадает в Приморье, пробивается в Приморье, чтобы и там бороться за Советскую Россию. Витом ищет работу и находит ее в лесной рубке, ведет службу и тонкую работу комиссаром.

«Молодой гвардии» со своеобразным приложением — здесь в заключительных главах романа читатель находит отрывки из автобиографии Кино, письма и записные книжки, а также предисловие к роману, написанное в неспокойной эпохой первых пятилеток, с поклоном наших отцов. Таким образом, роман не только обещает вторую жизнь, но и становится подлинным документом незабываемой поры борьбы и создания.

Людмила ПИНЧУК

подъем со второго этажа. Еще раз голодом о организаторского, еще раз жестоким скандальным и встопичкались Ушугли.

Сами убеждены, что это самое высокогорное село в Европе. Быть может, так оно и есть, но знаю, но одно могу засвидетельствовать с безусловной точностью: Ушугли лежит на высоте 2 400 метров. Здесь горы свободны от тиреолов и оленей.

Они здесь, гуровки, тереме, сырнине, тон — от золотого и сорзеленного и дальше — в черным огромном угрюмом «Харе». Небо над Шанром в постоянном движении — плывут белые облака, сизая туча садится на зубья гряды, врут в пологость свое тучное тело, врут вымалачивает солнце и бьет прыжки надвоем в близкую землю, в бурлящие Шугли, в знаменитую сванскую Битину. Витин повелось сравнить со свечами. Мне кажется индустриальное, это сравнение. В горных башнях нет самости и благодати, при всем своем изнурительстве они грозны, стропильно-то по всююю надобно. Башня башня и домом и семейно-крестьянские. С первого этажа, где содержалась скотина, навстрел была приставная лесенка. Случись набег — а случалось это, нелишне напомнить, довольно часто — лесенка забиралась

на второй этаж, и семья занимала круговую оборону. Из башни на голый наклонный обрывалась гонимая, грелась, выстрелы при дождях запасах пищи и еды красота становилась неприступной.

Хотели на раздоре крестово дажде для Вертика. Уведая на мост, за которыми начиналось село, наш глазки приторпозили, шлабухнули на мосту, соединившим в двух шагах, скорее по традиции, чем по необходимости, был задрет. Все выплыло из машины на вбурдо, все мыслы резко затрясти ноги. Из-загорни в изумлении. Селе виделось, как из последнего перевала, но здесь, в двух шагах, распахнулось неожиданно в ошеломляющей подробности. За рекою, тесис на уступах поднимались ступенями башни, словно поворачивая изломанные слухты хребта: село расположено по вертикали. Нет в нем улиц, тамешные дворцы, обломки строения, сосыльками один с другим. Земля черна и суха. Налеву отсюда от земли, везуча холм, стоила царицушка талогого напика.

В селе было и мужичье, где-то у третишней отметки. На каменной площадке в середине села стояла меншина в черных одеждах. Она, прикрыва глады ладонью, всматривалась в нас, заезжих людям. Мы слыли и ним, сами не шлоукались, услыли и не шлоукала, хотя трудно было различить ее глаза из-под пур. Была спонюнная сила во всем ее позо, в ее неподвижности, как и в башне за ее спиной.

Детей здесь надо учить только мивольски, — сказал нам полтучин. Они были худощавы.

Меншина дождорвалась с нами, взглянула на нас, и осталась стоять извиваем, только руку свою отпустила. Я оглянулся четверть несколько шагов — ее уже не было.

В трети раз я оказался в Салентии и молчал в немолта воссиянии у сванских башен. Слова тут блики. Горы красны сами по себе, очень ярковы, ведь, говорят, краснее горы могут быть только горы. Но что держит человека у этих мест, почему он стоит, иногда, одиноко и жемелесными вершинами? Чем vlastно влечет к себе эта древность? Ведь не только удивлением перед странными техникой Ушугли, не одним ее тем, что такое слово боятся боятся горами. Наше сознание регистрирует, соглашается, что как фант, достояний воссияния.

Обитая ипоной земли нам доро-

же многие краски, он несет в себе светлосияние Ним сегодня. Наше прихождение из Москвы, административного центра Сванетии, обнаруживая в один из башен старым хитрым деревянным замком, замкашамки ворота восточные, но не совсем такие, как в горах дал секрет. Провел ладонью по отполированному глади, удивительно не сказал.

Башни Сванетии, и Кино, и крестьянская изба над Гарусом служат нам прекрасную вечную службу: они учат умирять красоту земли, покажут предельно поэтическую законность творения природы и рук человека.

Известным мастыным архитектором, поставившим впервые башню, был отменник талантом, линия сооружения лаконичны, строг, просторный безукоризненный, форма подкаланика, вырешены, которое мастер наблюдал, избегая всякого замысловатого: крыша плоская, как горные лавины, — с нее гуровки свободный обзор. Поверну он обвел ее просторы орнаментов в пологую землю, и башня, простота, чистота обрела границею. Но, поstattе ее в долину, она покажется болонь, дном фантазм, бредом так же, как несловы индустри-

*Задумался осенние горные леса, за-
мерли вращающиеся камни, не шевельвет-
ся на фоне чистого голубого неба
звезды... И быстр в горах был
двухмиллиметровый фимиус, имел и упорно
вытеснял!*

покарь, который придумал раскла-
дывать по утрам гостеприимные окна из
Эльбруса.

«Когда меня мучит грипп, — гово-
ривая врандатург — я сижу в квартире
заваленный, чтоб меня не беспокоил
свет, я прошу открыть их, хотя от-
лично знаю, в нашем городе Эльбру-
са нет. Дома меня никто не призна-
ет, а мне, старый дурной голове, ка-
жется, что будь он за мои окна,
назавтра я выскочил бы из постели».

«Вот так бы каждого усталого душой
человека привести в горы, выбрать
место с открытыми окнами и оста-
вить одного у Эльбруса, Шхара, Каз-
бека, Тетнузда, Ушбы или Шхель-
ды — выбери любую, все по своему
горю». Он посидел бы, поборол,
послушал, как за склоном шумит и
бьется река, посмотрел бы, как меня-
ют краски вершины, как теплеют они
с движением солнца и как светится
лесник голубым, тополиным огнем при
луне; подумал бы, помнил бы терпкий
желтый цветок, вспомнил свои сча-
стливые дни — гляди, и отошел бы
сердце».

За эти, наверное, и ходят в горы.

НЕ ШУТОЧНОЕ ДЕЛО

Иэн ХАНТЕР

РАССКАЗ

ольше всего на свете он ненавидел управляющего.

Он понял это прошлой ночью. Этим утром, когда он входил в узкий зал с «люгером», закутанным за пояс брюк, он понял, что его ненависть к козину, которая все время разрасталась злоебно и неутомимо, наконец подавала в нем все оставшиеся чувства. Управляющий его знал, он был в этом уверен. И то, что он знал это, сквило в его самодовольстве, синхронности, пренебрежительных усмешках — все это поддерживало ненависть Бэра, и она темной волной поднималась в нем, переполняла его, пеннлась, бурлила.

«Люгер», твердость и тяжесть которого он ощущал у своего живота, действовала успокаивающе.

Резольвер он получил в хорошие времена от одного из поклонников в Вене. В хорошие времена там было много поклонников и много поклонников. Он еще помнил хорошие времена. Хорошие времена возвращались иногда к нему вместе с горьчей и сладкой тоской по родине, и он погружался в волны острых и мучительных воспоминаний. Он вспоминал огни, и аллюдменты, и...

— Доброе утро, Ник.

Голос, ненавистный голос.

Он резко остановился.

— Доброе утро, мистер Аткинс, — сказал он.

Аткинс улыбался. Тонкая, бескровная улыбка пробежала по его узкому лицу и скрылась в тоненьких, ивельных уснах. Черные волосы управляющего были так искусно причесаны, что скрывали лысину. На нем был серый в полосу костюм. Подобно caricature на всех управляющих увертюров, он носил красную галстук и перчатки. Он продолжал улыбаться. Его улыбка приводила Бэра в ярость.

— Готовы к последнему акту? — спросил управляющий.

— Да, мистер Аткинс.

— Это ведь последний акт, не так ли, Ник? — Аткинс спрашивал улыбаясь. — Сегодня занавес опустится последний раз, да? Поскольку после сегодняшнего дня. Все вернется к норме сегодняшнего дня.

— Да, мистер Аткинс, — сказал он. — Сегодня последний акт.

— Но занавес не зовут, а Ник?

Его звали не Ник. Его имя было Риндольф Бэр, имя, известное некогда на театральных подмостках четырех континентов. Аткинс знал это и, вероятно, знал и в тот день, когда принимал на работу. Он знал это, и, таким образом, «Ник» было лишним уколком, насмешливым ударом, напоминающим о его нынешнем положении: «Вон! Смотри! Как можно низко упасть!»

— Мое имя не Ник, — сказал он решительно. Аткинс цепенел пальцами.

— Так ли это? Напомните снова. Я забыл. Риндольф? Но какой? Клар? Швар? Как ваше имя, Ник?

— Мое имя — Риндольф Бэр, — сказал он. Он полагал, что произнес свое имя с большим достоинством. Он воображал, что говорит в манере Гамлета, который мог бы объявить о себе, что он принц Датский. Он мог вспомнить хорошие времена, когда имя Риндольф Бэр было магическим ключом к тысяче городов. Он мог вспомнить клерков отелей, приветствовавших его аллюдментами, модами декутин, рущих на части его одежду, даже телефонистов, почти-тельность которых сразу возрастала, когда они слышали его имя. Риндольф Бэр. В его моду имя было запяско яркими огнями. Риндольф Бэр. Огни вдруг померкли и затем погасли. Он почувствовал стальное очертание «люгера» у пояса. Он слабо улыбнулся.

— Вы знаете мое имя или нет, мистер Аткинс?

— Да, — сказал Аткинс. — Я знаю ваше имя. Я слышу его иногда.

Интерес его вдруг возрос.

— Это вы? — спросил он. — Да. Я слышу, как люди спрашивают время от времени: «Скажите, что случилось с Риндольфом Вэрмом?» Я знаю ваше имя.

Бэр чувствовал, как жало Аткинса пронзило его горло, чувствовал яд, распространившийся в

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

его крови. Что случилось с Рэндалфом Вльру? Коник использовал эту фразу по телевидению менее двух недель тому назад, разве не по документам, Рэндофл Вльр, всегда популярный Рэндофл Вльр. И теперь, никто, посмеиваясь над телевизионным комиком. Забытое имя, забытое лицо. Но Аткинс должен помнить. Он вечно будет помнить имя Рэндофла Вльра, и лицо, и страшную силу.

— Что надо, — начал он и затем внезапно остановился.

— Не надо, не надо меня толкать слишком далеко, — сказал Аткинс.

— Толкать, Ник? — спросил Аткинс невинно.

— Прервите навязчивость меня Ник!

— Извините меня, мастер Вльр, — сказала Аткинс. — Извините меня. Я забыл, а ведь я раньше был я. И теперь, никто, посмеиваясь со старых пьесничих, который ухитрился получить временную работу...

— Прерватите!

— Не несколько недель. Я забыл, что я разговариваю с Рэндофлом Вльром, Рэндофлом Вльром, величайшим заблудителем...

— Я не пьесничих — крикнул он.

— Вы пьесничих — это так, — сказала Аткинс. — Не говорите мне о пьесничих. Мой отец был таким. Опустившись на пьесничих. Криклящих, истеричных пьесничих. Я вырос с этим, Ник. Мне приходится наблюдать как этот старый человек меняется, чувствующим, рожденным его воображением, и как он постепенно убивал мою мать. Как что нечего рассказывать мне о пьесничих. Даже если газеты и не сообщили о нашем присутствии на весь мир, я все равно считал вас заблудителем.

— Почему вы навали меня? — спросил он.

— Была работа, которую нужно было сделать, и я подумал, что вы могли бы ее выполнить.

— Вы навали меня, потому что я вам был нужен.

— Не будьте смешным, — сказала Аткинс.

— Вы сделали ошибку, назв не того человека.

— Так ли? — спросил Аткинс язвительно. — Разве вы один из тех опасных пьесничих? Агрессивных? Мой отец был опасный пьесничих с самого моего детства. Он мог убивать. Он мог убивать. Единственной вещью, которую он не мог ударить, была бутылка. Когда из стен начинали выплывать разные вещи, он не был так опасен. Тогда он становился криклящим и плачущим человеком, криклящим и рыдающим матерью.

— Разве вы опасный пьесничих, Ник? А?

— Я не пьесничих! — сказал он. — У меня не было во рту ни капли с тех пор, как я получил эту работу. Вы знаете это?

— Почему? Конечно, что это может повредить спектаклю? — Аткинс резко замесился. — Это никогда, казалось, не беспокоило вас в былые времена.

— Вещи разные, — сказала он. — Я хочу... я хочу вернуться к прошлому. Я... я ввязал эту работу, потому что... я хотел почувствовать опять, ощутить работу. Вы не должны извещать меня, если вы не понимаете, что вы делаете.

— Я? Извещать нас вам? Ник, Ник, не надо быть глупым. Я дал вам работу, не так ли? В всех других, желающих получить работу, я предпочел вас. Так почему же должен надеяться на меня, Ник?

— У меня хорошая работа, — сказал он, надеясь, что Аткинс может сказать как раз то, что нужно, нужное слово, недостающее слово, сказать слова, которые могли бы разрушить желанность. Вы знаете, у меня хорошая работа.

— Это так? — спросил Аткинс. — Я думал, что вы получили отвратительную работу. Ник. Именно потому, что вы всегда выполняли отвратительную работу. Я думаю, что не были ослеплены ни какими актерами, которые когда-либо появлялись на театральном подмостках.

— И в этот момент Аткинс подписал свой смертный приговор.

— Весь этот день, все это время, когда Вльр слушал мои бесконечные требования и вопросы, сидел на своем стуле, и бесчисленные лица протискивались к нему, он думал о убийстве Аткинса. Он думал свою работу автоматично, улыбаясь публике, и тогда мог бы ваять только механикой убийства Аткинса.

— Это в чем-то напоминало развешивание роли. Слова и слова он мысленно ретировал как

длый шаг. Универмаг закрылся в пять вечера. Служащие заспешат домой к своим семьям. Это было трудно выносимое, мучительные несколько недель, и сегодня вечером все будет по-прежнему, и служащие заговорятся на улицах, и в метро, и домой к ожидающим их любимым. Волна очеловечения и жалости к самому себе стремительно захлестнула его. «Кто меня любит?» — тихо прошептал он. — Кто ждет меня вечером? Кто-то разговаривал с ним. Он посмотрел, вынул...

— Да, да, — сказал он механически. — А что еще?

— Человек продолжал говорить. Он наволнованно слушал, кивая все время, улыбаясь, улыбаясь.

— Выло много любимых в добрые времена. Женщины, много женщин, больше, чем он мог себе представить. Были женщины и молодые женщины, и изнеурядоченные, и смеющиеся, молодые женщины. Где он был десять лет назад в это время? Калифорния? Да, конечно, делал картины. Как удивительно оказаться в стране сходящего солнца в это время года. И он играл в карты. Он не хотел, он не хотел ничего. Но он был блаженно пьян... Сколько дней? И он мог снимать картину, потому что «звезда» не была здесь среди декораций.

— Звезда, — сказал он.

— Рэндофл Вльр.

— Вечером он должен опять стать «звездой». Сегодня он должен совершить убийство Аткинса с блеском и грацией. Когда закончатся вечеринки, прекратятся бесконечные вопросы, бесконечные требования, он сможет пойти в контору Аткинса. Он может даже не передвигаться. Он может пойти прямо в контору Аткинса, и сможет получить конверт с жалованием, и сможет застрелить его. Он сможет убежать затем на улицу. И в итоге он может быть в безопасности. Но у него в кармане Вльр — человек, чье лицо было некогда известно миллионам, — мог быть в безопасности, его не узнают. Это было ironia судьбы. Ситуация вымывала к остаткам юмора глупости в глубине его. Рэндофл Вльр мог сегодня вечером сделать наиболее значительную роль в своей карьере, и он мог играть ее анонимно.

— Улыбайтесь, радостный, он слушал просьбы.

— Топля начал рдевать около четырех тридцати. К этому времени он был совсем изурен. Единственно, что заставляло его быть собранным, было сознание того, что он вскоре сможет убить мастера Аткинса.

— Через четыре-пять часов он ответил на последнюю просьбу. Потом он сидел один, тучный, уже не улыбающийся человек, и следил за часами на стене. Четыре пятнадцать. Четыре пятнадцать минут. Четыре пятнадцать семь. Четыре пятнадцать двести.

— Он слез со стула и пошел вперевалку к лифту. Другое служанки, подхватившие вымучку, стремились быстрее покинуть универмаг. Он подождал и лифту и стал ждать.

— Закурлись, а? — спросил лифтер.

— Да, закурлись, — сказал Вльр.

— Собираетесь получить ваш конверт?

— Нет, спасибо.

— Мистер Аткинс платит мне лично, — сказал он.

— Он как это?

— Да, как это? Он только так, ответил он.

— Может, он надеется, что вы будете полезны ему, — сказал лифтер и приснул от смеха.

— Он не засмеялся вместе с лифтером. Он знал хорошо, почему Аткинс платит ему лично. Он делал это, чтобы иметь удовольствие междудушкой недолго вернуть Рэндофлу Вльру — человеку, который некогда зарабатывал 5 тысяч долларов в одну неделю, — конверт, содержащий 40 долларов 42 цента.

— Нижний этаж, значит? — спросил лифтер.

— Да, нижний этаж.

— Когда лифт остановился, он быстро вышел из него. Он прошел прямо к конторе Аткинса. Сидевшая у него женщина улыбаясь, повернула к двери Аткинса и постучала.

— Кто там? — спросил Аткинс.

— Я, — сказал он. — Вльр.

— О. Ник. Входи, входи, — сказала Аткинс.

— Присел на своей плато? — спросил Аткинс.

— Да.

— Он хотел вытратить «люгер» и сейчас же начать стрельбу. Он ждал. Напрямую ждал.

— Выпешь немного, Ник? — спросил Аткинс.

— Нет, — сказал он.

— Веселее, веселее. Немного выпинки никому еще не причинило вреда.

— Я не пью, — сказал он.

— Мой отец говорил то же самое.

— Я не пью отцу.

— Я знаю, — сказал Аткинс. — Давая выпей. Это не повредит тебе. Работа теперь закончена. Ваше представление окончено. — Он самодовольно почесал в своем затылке, улыбаясь, Ник. Любог мог бы немного выпить вечером.

— Нет.

— Почему нет? Я хочу быть другим человеком.

— Аткинс остановился. Его глаза слегка расширились. Вльр непринужденно вытаскивал из кармана пальто свой «люгер». Аткинс вытаращил глаза на револьвер.

— Что... что это? — сказал он.

— Это револьвер, — ответил холодно Вльр. — Дайте мою зарплату.

— Аткинс быстро вынул из кармана свой «люгер».

— Конечно, Ник. И ты думаешь, что я собрался... собрался обмануть вас, ведь нет? Вы...

— Дайте мою зарплату.

— Аткинс положил конверт на стол. Вльр взял его.

— А вот ваша, — сказал он и выстрелил три раза, наблюдая, как Аткинс рухнул на стол.

— Чувственное преступление напугало его. Пьер? Пьер? Он бросился в ней. Коричневый бумаж поласал ему под ноги, и он чуть не упал но удержал равновесие, балансируя руками. Он приостановился, прежде чем выйти в глубь универмага. «Спокойствие», — говорил он себе.

— Коттедж. Помни, и ты Рэндофл Вльр.

— На прилавки были уже наброшены покрывала от пыли.

— Они напоминали мне тело, покрытое, мертвое. Аткинса.

— Хотя сейчас он снова бежал, у него хватило присутствия духа вернуться в комнату отдыха.

— Он не знал, как долго он оставался здесь, но когда он появился отсюда, было ясно, что он совершил самоубийство. Это было плохое произведение интеллигентной драмы или по крайней мере свидетельствовало о самоуверенном спокойствии актера в этой роли. И он укорил себя за то, что вел себя подобно новичку, на которого вдруг обрушился страх перед сценой.

— Рэндофл Вльр вышел через возвращающиеся двери. Холодный вьюк ожег его. Все превращало снег. Он сделал глубокий вдох, спокойно посмотрел на спешащих людей, на их руки, занятые пакетами и сумками.

— И вдруг он услышал смех, тонкий, произвольный, детский смех. Он ревнувал его подобно лоску. Он оборнулся и увидел смеющегося мальчика, упирающегося одной рукой за женщину рядом с ним, бледное лицо мальчика, его руку и унаследованный палец, протянутый вверх.

— Смех разрастался, смеялись мужчины, смеялись женщины. Закурлись, закурлись, закурлись. Гринула музыка. Она смешалась со смехом, громким, утированным смехом.

— Вльр чувствовал, что его увязает в стремительном водовороте. Казалось, он никак не мог остановиться. Его движение — все то, что как будто сговорилось устроить ему западня.

— Вид полумесяца, выходящего из универмага, совершенно лишила его сил. Они появились и двинулись прямо к нему. И когда он повернулся к ним «люгер» и даже тогда его схватили и обезоружили, в его сознании все происходящее представлялось не как реальность, а лишь как часть драматической роли, которую он играл.

— Но эта роль не была привлекательной, не потому что носил красное пальто и брюки, черные пальто и ботинки универмага «Санта Клауса» — ту самую одежду, которую носят три тысячи других людей в городе. Чтобы смеяться с их смехом, он должен был — только белая борода, но он потерял ее, а безумной смелости покинул контору Аткинса.

— И, конечно, ребенку и даже некоторым взрослым Санта Клаус без бороды мог показаться смешным.

Перевел с английского
Н. С. НИКОНИЧЕНО

Копакабана — так называются пляжи Рио-де-Жанейро, известные всему миру. Именно здесь, на песчаных стадионах, протянувшихся на многие километры, играют в футбол тысячи бразильских мальчишек, мечтающих стать такими же знаменитыми футболистами, как и их кумир — Пеле.

Игорь ФЕСУНЕНКО

Документальные очерки корреспондента Всесоюзного радио и телевидения в странах Латинской Америки Игоря Фесуненко «Судьба футбола в Бразилии», публикация которых начинается с этого номера «Смены», заинтересуют не только многочисленных любителей спорта. Ведь футбол в Бразилии стал важнейшим общественным явлением, оказывающим огромное влияние на культуру, экономику и даже на политику этой страны. И дело здесь не в самой игре, а в том, что она, как отмечает автор, позволяет простому бразильцу «отвлечься от нудной рутинной его нищенского существования, опуститься с головой в мир острых эмоций...».

Беспорядке нещадно эксплуатируемых футболистов — людей без будущего, — прощай, аферы и мажорации хозяев клубов — вот что скрывается «за кулисами» бразильских стадионов, вот что украшают своим блеском имена Пеле, Гарринчи, Тостао и других волшебников кожаного мяча, известных всему миру.

СУДЬБА ФУТБОЛА

Древние греки придумали миру больше — покровительницу певцов и поэтов. Считалось, что если музам создавать должное, любить их и не пытаться с ними состязаться или спорить, то певцам и поэтам обеспечено благополучное существование.

И все-таки через сотни лет после этого великий русский поэт Пушкин напишет: «Да здравствует мир! Да здравствует разум! Разум — живое, гоетическое начало — это с музами, с теми, что «от бога», наравне с ними... Нам по душе эти пушкинские строки, нам близок и понятен союз муз и разума, мы — за такой союз. И только с таким условием мы решили пригласить всех муз в гости к читателям «Смены». Первой в гостях у «Смены» — Мельпомена, богиня трагедии. Она сильно изменилась с тех пор, как впервые открылась людям, эта высокая женщина с повязкой на голове, в венке из вычурных листьев, в театральной маске, котурнал, с трагической маской в одной руке и с мечом или палицей в другой. Мы хотим вместе со старшими актерами МХАТа — народными артистами СССР А. О. Степановой, Б. Н. Ливановым, А. В. Жильцовым, с главным режиссером московского театра «Современник» народным артистом РСФСР О. Н. Ефремовым, при помощи журналиста А. М. Крайнова и критика А. П. Свободина вести наших читателей с сложной, противоречивой, но по-прежнему прекрасной жир современной Мельпомены.

ИЗМЕНЧИВЫЙ ДЖИ ИЗМЕНЧИВЫЙ

Александр СВОБОДИН

Идеи трагедии греки в древности дали имя Мельпомены. В современном театре, если говорить о жанрах, трагедия не преобладает. Но имя Мельпомены по-прежнему остается символом драматического искусства. Это искусство, как и всякое другое, изменяется во времени, а сказать точнее, изменяется вместе со временем. Мельпомена меняет лицо! Как это происходит? Почему? Какие изменения можно отнести к мимолетным ужимкам и гримасам, величавшим под влиянием минуты, а какие отражают глубокие внутренние изменения в этом древнем искусстве, в этом загадочном и неотразимо пленительном мире, называемом миром театра?

Мои заметки отнюдь не научный трактат. Всего лишь несколько мыслей и наблюдений, а также несколько сравнений прошлого с настоящим...

* * *

Во всяком искусстве при его изменении раньше всего замечаются перемены внешние. Так, когда-то, в начале прошлого века, большинством читателей было замечено, что при Пушкине стихи стали писать как-то иначе, нежели прежде, при Державине. И не отдельные поэты, а чуть ли не все поэты России, разве что за малым исключением. На поэтов

ворчали, упрекали их в следовании моде, в подражательстве. Очевидно, и этого было довольно. Но проиндифферентные читатели и дальновидные критики поняли, что поэзия меняет формы под влиянием внутренней необходимости. Последние же, очевидно, есть следствие не прихоти поэтов, а новых общественных потребностей. Кому-то из читателей было жаль уходящих форм стихосложения, кто-то с жаром уверял, что они еще послужат отечественной словесности, и даже сам Пушкин отдал им должное. И тем не менее, тем не менее... все поэзия изменилась.

Когда-то, в конце XVI века, во времена Шекспира, театр, как всем известно, обходился без занавеса и декораций, их заменяли таблички с надписями: «Лес», «Замок». Зрителям, окружающим помост сены с трех сторон, этого было довольно. Их воображение, подогрете игрой актеров, мгновенно выстраивало отсутствующие декорации. Если обратиться к началу начал — древнегреческому театру, то в нем не только не было занавеса и декораций, но не было и крыш над головами публики и актеров. Занавес появился в театре, как говорит нам его история, когда театр стал забавой королей и принадлежностью аристократических салонов. Вырвавшись отсюда, а вернее сказать, вырванный оттуда разнававшимся буржуазным обществом, театр тем не менее сохранил свою архитектуру. К примеру, расположение сцены и зрительного зала, занавес, портал... Конструкция театрального здания стала традиционной, законсервировалась на столетия. И даже сегодня вновь строи-

— Да, в общем, мить можно. Мы привыкли. Словат, где-то в Болонии стоишь есть, на высоте четыре с половиной тысячи метров, и в футбол там играешь. Но высота может быть, тренировки и играют, только на Чамбурге, где в горах есть проблемные участки захвачены. Особою, как сейчас, весной.

Чай съели и раздобри. Хотелось сидеть и молчать. Толпан с лохматыми телами, по которым всем все за зотина Тянь-Шань. Но надо было ехать.

На старых, еще доверенных жюхих часовая стрелка перевернула за два часа. Часы черные, разношерстные, уходящие слушать, глядя на нас, горами.

— Посидели бы еще, обгорбикан как следует. Надо вдоволь попить, а то дорога дальняя.

— И правда, надо торопиться! На дороге, по дороге хороша, да и вина машина сама бежит. — Валентина Егорова подходит и печие и ставит чайник на печь.

Борис светает:

В горах от нас отзатылась — обидеть себя и хозяина.

За один какой сразу стало темнеть, будто неведомая сила выключила свет, и тенью, притягиваясь в сторону, расплывалась по скалам. Мы обрзались до первака. Тяжелые черные чехлы потянулись повисли над горами, сиреня меле, солнце и снежные шапки потонули в тумане. За долиной стемы дощато домина.

Поднялся метель, Борис, на ходу нитку, вынул из кармана, коротко бросил.

— Давай быстрее! Прочесай!

— Не торопись, — останавливая его, подвела снова зубы Литвиненко. Тепло, тепло, тепло, не стужа, спойно, а дел, судя по явству, будет много. Но сейчас спова уюту нуха в оглушительном реве.

Где-то сзади заклопоталась лавина. С диним грохотом она пошла все ниже, и эхо, перерывая вал ветров, отдалось лавиною в коридорках ущелья.

Грохот стих так же неожиданно, как начался.

— Ни что м, пошай, — Литвиненко так выругался. — Представляю, как там навалило. Дней на пять, а то и больше.

— Не время, совсем не время. Отарелки, возмалась, — Бонновалю нахлобучил ушанку на самые глаза и толкнул ногой дверь.

Разный ветер подымался вихрями от земли, закручивая снег в комкатые клубы, выносило гонимо нату. Теперь уже я почувствовал, что знаешь четыре километра над уровнем моря.

Несколько сот метров дороги засыпало слоем мокрого снега толщиной в пятнадцати сантиметров. Шебенка, по которой мы шли, промолчала, но колеса нашего «газика», лемала теперь глубоко на дни плотного сугроба. Перевал закрыт.

Снизу, с другой стороны, повисла первая машина. Шофер, узнав по обаям, молча сила сиденье, прихмылился в угол и заснул. Транзистры с лампами суровыми и озобченными, сбавившись в курюю, совещались надого, Бонновалю первым бросил в снег палатку и включил мотор. Некогда, как бы примериваясь, пошел вперед второй шофер, и уже разгорятив, рванулся в белую массу, поволол снежный вал к обрыву. Пошла назад еще один вал. Через минуту, дрова все телом, полелз и другой бульдозер Ханюна.

Лобастые машины одна за другой, набрасывая снежную гору, заехали на перевал, что их упрямые терзают ее, и кажется, что их упрямые водители сейчас совсем не думают о размерах энергии и времени, которые потребуются для того, чтобы проехать по перевалу только необходимому туннелю.

Стало совсем темно. Ночь упала на горы, толкая в высшей степени в тенью мюметре и тридцатиградусной оттепели. На шесте вверху мучительный мороз, и ветер — как на острове Хейланды. Снежные фьорды, фьорды, фьорды пробивают желтые ошюны, и все вокруг покое на свергнутые и всевозможные.

В голове гудят чужестенные колокола. Дикая толканица, в висках, и хочется спать, как под уют бессонной ночи. Но физическое ощущение, как будто кто-то физически перевернул рывчагом пожитки твоему ланнину.

— До утра поворот бисаете?

— Молчи, болтать будешь — свалишься.

Вспякий раз, когда бульдозер благополучно отходит от неведимой гряды, за которой, завалянным снегом, таится голокружничательная глубина, у водителя облебенный теплым воздухом полонет, о чем я думаю.

— Бонновал!

— Не очень. Не знаю...

— С неспривичан бывает.

И опять — вал и обрыву. Назад. И еще. И набыти впереди идущего бульдозера, впереди толпы, впереди покрикивал. Ветер, слива его слеза, доносил запах, в разрыве тумана и нас делами изветило обрывки немонардельных фраз, из которых можно было различить только «перенура». Но для перенура нет времени. Делать приходится, а перенура не успевает. Ужель, как в разрыве тумана, и нас делами изветило обрывки немонардельных фраз, из которых можно было различить только «перенура». Но для перенура нет времени. Делать приходится, а перенура не успевает.

Ужель, как в разрыве тумана, и нас делами изветило обрывки немонардельных фраз, из которых можно было различить только «перенура». Но для перенура нет времени. Делать приходится, а перенура не успевает.

— Ужель, как в разрыве тумана, и нас делами изветило обрывки немонардельных фраз, из которых можно было различить только «перенура». Но для перенура нет времени. Делать приходится, а перенура не успевает.

Во рту пересохло. Я кляю носом.

— Не спи — замерзнешь. И вообще спишь бы лучше отсюда.

И не обижайся. Ничего нет противного, когда впереди замалчивается, а усталости человеком это бездельничанье не приносит.

Прямо в снег. Ну и ветер. Никогда не думал, что есть места с таким ветром. В доминке на перевале теснота — не противница. Клубы табачного дыма повисли в воздухе лавиною завесой. Лица едва различаются. Проплакивая, Валентина Егорова говорит, что в доминке надо сделать повторный вопрос: когда?

— Когда тут, понимаешь, а люди там идут!

— Певать и хотел на чаше перевернул. Мало, всего-то четыре дня, но много, потому что впереди идущий — это лавина, то обвал, то завал. Люди черт знает что напридумывают. Всегда у них что-нибудь случается.

— Ну вы шити! — Это Тянь-Шань, а не южный берег Крыма. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Ну вы шити! — Это Тянь-Шань, а не южный берег Крыма. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Они выжили, а лавина прошла, а вы не знаете, что она просто поварила их в котелке. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

— Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут. Снаши спастись не могут.

Шахматная Олимпиада СМЕНА

Шахматная Олимпиада СМЕНА

Наша новая шахматная олимпиада состоит из шести туров. Ее участники будут звание соревноваться в этих турнирах в разборе интересных позиций из партий мастеров и гроссмейстеров, а проведение классификационных шахматных турниров — в юниорском прогнозе, связанном с предстоящим в нынешнем году международным этапом личного первенства мира. Для желающих последние два раздела могут быть заменены анализом дополнительных шахматных позиций.

Высчитывая в нашу олимпиаду могут все любители шахмат. Выполнив в каждом туре задание задания каждого тура в анти участника зачитывается до 20 баллов. Победители олимпиады награждаются специальными дипломами и подарками. Турнир отмечен также честицами, которые привакут

В первой задаче белые, начиная, дают мат в два хода, во второй задаче — в три хода.

В первом этапе белые начинают и выигрывают, во втором этапе делают ничью.

В первой позиции нужно найти путь к победе для белых, а во второй позиции — для черных.

классификационные турниры. Большое количество начинающих шахматистов. Последним же за выполнение нормы и получение разряда редакция вышлет классификационные удостоверения.

Чтобы облегчить и ускорить работу жюри, просим ответы и решения писать аккуратно, указав полностью общепринятый шахматный кодированный, указав необходимые варианты, но по возможности лаконично, избегая громоздких комментариев.

Не забудьте, кроме фамилии, имени и отчества, сообщить нам свой возраст, место рождения, имя учебной организации (если учащийся) и домашний адрес.

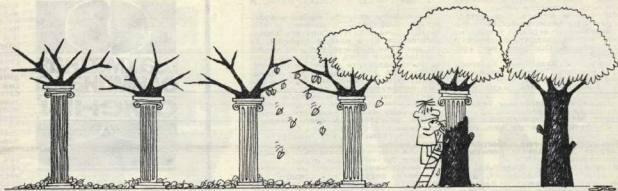
Состав жюри XIII шахматной олимпиады «Смена»: энциклопедия мира Василий Смыслев, гроссмейстер Эдмир Галлер, Александр Иглов, чемпион мира среди юношей Анатолий Карпов, члены высшей квалификационной комиссии Шахматной федерации СССР Валерий Юриг Юриг и заслуженный тренер РСФСР, мастер Виктор Любимкин.

Ответы на первый тур можно отправлять в редакцию по позанию 1 марта 1970 года (по почтовому штемпелю). На конверте ставьте пометку «XIII шахматная олимпиада «Смена».

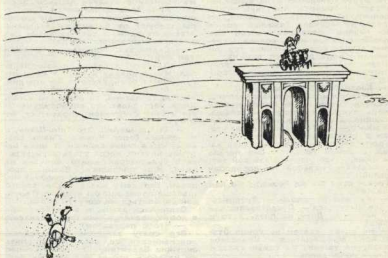
За верный ответ на задачу или этап (а также за нахождение побочного ответа или нерешаемости) присуждается три балла, за разбор позиции из практической игры — четыре балла.

ПЕРВЫЙ ТУР

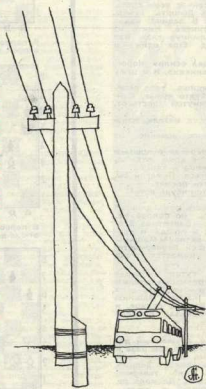
АМОС
АМ

— ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ПРОШУ ОТНЕСТИСЬ К ЭТОЙ ПЫТКЕ СЕРЬЕЗНО!

Рисунки Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Николая КАЛУГИНА

КРОССВОРД

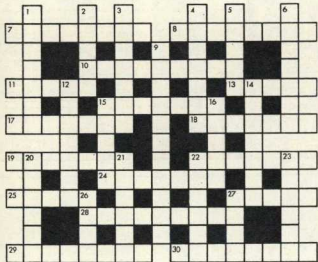
Составил П. ШУТИК, г. Коломна, УССР

По горизонтали:

7. Публицистическое произведение на злободневную тему. 8. Баллада В. А. Жуковского. 9. Мощный осветительный прибор. 11. Река, впадающая в Каспийское море. 13. Город в Киргизии. 15. Художник-передвижник. 17. Народный артист СССР. 18. Рабочий стол для ручной обработки дерева металлом. 19. Областной центр в Сибири. 22. Расназав М. Горького. 24. Страна в Средиземном море. 25. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 27. Река, вытекающая из Онежского озера. 28. Спортивный лимини. 29. Морское животное отряда сирены. 30. Норвежский популярный путешественник.

По вертикали:

1. Песня А. Пахитовой. 2. Пасторалогик вышестоящих. 3. Народный художник СССР. 4. Советский поэт. 5. Момент взлета ракеты. 6. Приемник в балете. 7. Песня С. Колчановского. 12. Стихотворный слог на неравномощных надилах. 14. Русский писатель. 15. Развлекательный изостатизм. 16. Время года. 20. Аппарат, регулирующий направление в аэвентрической цепи. 21. Центр воеводства в Польше. 22. Полюсник, принимаемое без доназательства. 23. Советский геолог и географ, академик. 26. Выставочное дерево. 27. Строфа, содержащая законченную мысль.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫМ В № 24

По горизонтали:

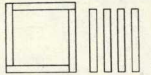
1. Левко. 4. Солпо. 7. Штрек. 10. Ватсифер. 11. Клавия. 12. Дугач. 13. Осла. 16. Ефанов. 18. Нигрол. 20. Шассе. 21. Денго. 25. Ортат. 27. Куальтиватор. 28. Купол. 29. Гурон. 30. Аспирактор. 31. Клавид. 32. Негто. 34. Нивир. 36. Эталон. 38. Фруфур. 41. Малав. 44. Охтер. 45. Тубчик. 46. Уравнение. 47. Аннер. 48. Драга. 49. Сетва.

По вертикали:

1. Логос. 2. Веста. 3. Оператор. 4. Суфре. 5. Прима. 6. Оберон. 7. Шадрин. 8. Ротор. 9. Карел. 14. «Иварте-ролла». 15. Листовица. 17. Фенолостат. 19. Обогротор. 21. Лекон. 22. Ондад. 23. Алты. 24. Струт. 25. Орган. 26. Танго. 29. Контур. 33. Эрлет. 36. Эпоса. 37. Артеж. 39. Умба. 40. Такси. 41. Мисса. 42. «Зенит». 43. Понна.

1.

На рисунке четыре полоски, из которых составлен квадрат. Попробуйте из таких же четырех полосок составить другой квадрат, но значительно меньших размеров.

2.

Данную фигуру разделите пятью прямыми линиями на десять равных треугольников.

Историческая музыка

Музыка Владимира Блока

СНЕЖНЫЙ СВЕТ

Слова Юрия МЕДВЕДЕВА

Музыка Владимира БЛОКА

Видишь, звезды на месяц наизнанку,
И суробы пляжут, как во сне.
В снежном свете, прозрачном, таинственном,
Постом, помолчим в тишине.

Видишь, зорька за лесом плетет нам,
Опускается медленно снег,
Над суробиями над аллеями
Снежный свет,

снежный свет,
снежный свет.

В твоих глазах
Блики снежного света,
В твоих глазах
Созвездья горят.
Любимый мой,
По луному следу,
Как звездный дождь,
Как лунный дождь,
Снежинки скользят.

Посмотри, как над снежным сквином
Из далекого издалека
Фантастическим маршванам
Над змиою пляжут облака,
Как над крыльями сосен над синими
Опускается медленно снег...
Над суробиями над Россиею
Снежный свет,

снежный свет,
снежный свет.

В твоих глазах
Блики снежного света,
В твоих глазах
Созвездья горят.
Любимый мой,
По луному следу,
Как звездный дождь,
Как лунный дождь,
Снежинки скользят.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧУ «СЕМЬЯ» № 24

1.

Белый медведь, жирафа, страус, зубр, пингвин, и белка.

2.

2	9	5	6
15	9	16	3
72	14	10	11
8	4	7	13

Иванка

Жила в Карпатах огромный некрайний и к тому же рыжий парень Иванка. Но был он работящим, и все время ругой его находили себе дело: строили дома и заборы, рубили и пиляли дрова, а когда они принаслались и томной свирели, то и свирель пела, послушная Иванке. И как полагается в легенде, парня полюбила девушка — томи сплавил, добрый, работящий. Но у девушки — Иванки — был злой, мажорный брат, который решил выдать сестренку замуж за старина и подкараулил на ее замужестве. Пришлось Иванке и Иванке бежать из родного села. Но брат был дружен со злыми духами, которые донесли ему о замыслах влюбленных. Духи сбросили на парня и девушку камни. Так и остались на зеленой поляне два камня, и забыл их них источник, чистый, как любовь в Карпатах. Злые духи его пробабили записать, но ничего не вышло. И до сих пор приковат сюда парня и девушку, правдути из этой поляне у чистого источника веселые свадьбы.

Эту гуцульскую легенду услышал от старого сиринча молодой украинский художник Роман Адамович. Он учится во ВГИКЕ на последнем курсе отделения мультфильмов, в мастерской профессора Иванао Вано, старшего мастера отечественной мультиплика-

...И забыла из камня источник, чистый, как любовь в Карпатах.

Накануне свадьбы.

ции. Легенда стала курсовой работой Адамовича — основой нового мультфильма. Чтобы подготовить его, Роман сделал в эскизах около тридцати основных рисунков, в которых разработал двадцать пять ключевых моментов будущего фильма. Но работа эта вышла за рамки просто учебнической монотонии, выполненные на цветной бумаге и раскрашенные гуашью, змжники самостоятельной жизнью и талантливо выполненные художественные произведения.

У Романа Адамовича верный глаз, точный рисунок. Ярый копирит его работы, их самобытный, национальный характер привлекает внимание зрителей, помогают узмать и понять тех, кто живет в далеких Карпатах.

Молодой художник появился под счастливой звездой. Его отец — один из лучших кинематографов Украины, так что первые шаги Романа в изобразительном искусстве направлял большой мастер своего дела. Потом художественная школа в Киеве, ВГИК в Москве, армия и снова ВГИК. Биография пока что — «в два слова». А впереди — целая жизнь, интересная жизнь художника — поставившая мультипликационных фильмов.

Наталья ДМИТРИЕВА

ГУЦУЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА

Злой брат.

Иванка.

